

Targe e, t ehytenavss en, ¶lettire,
ЭДУАРД СЕРОУСОВ

Trashe the e, ha ganeen, ¶lettinn,
T see, hgene c Ghagese,
Tareet tce heree, aen, ¶hattire,
Taree e'É ih tergnas en,
Farent th, hcgns; aen, ¶hg'ture,
Tarenc treerepoggataen, o ccunn,
Froent tPa o' anegancen, ¶hetti h,
Trc, na, sone acn,
scocan,

A woman with long, wavy brown hair, wearing a black strapless dress, stands on a wooden pier extending into the ocean. She is looking out at the sea, where several large cargo ships are visible. The sky is a mix of blue and orange, suggesting a sunset or sunrise. In the foreground, she holds a gold pocket watch with a chain. The overall mood is contemplative and cinematic.

НАСПЕДНИЦА
КРИПТОКОРОЛЯ

Эдуард Сероусов

Наследница криптокороля

«Автор»

2025

Сероусов Э.

Наследница криптокороля / Э. Сероусов — «Автор», 2025

Эмма Кастельяно — дочь итальянского дипломата, чья идеальная жизнь рушится в одно мгновение. Её возлюбленный, загадочный криптомиллиардер Дэниел Чен, погибает в авиакатастрофе, оставив ей наследство в пять миллиардов долларов. Но доступ к деньгам зашифрован: двенадцать слов спрятаны по всему миру. За Эммой начинается охота. Китайская разведка, русская мафия, банковский консорциум — все хотят получить ключ к состоянию. Чтобы выжить, ей придётся стать той, кем она никогда не была: охотником вместо жертвы. Глобальный триллер о любви, предательстве и цене свободы в цифровую эпоху. Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть Первая: Наследство	5
Глава 1. Падение с небес	5
Глава 2. Нежеланное наследство	16
Глава 3. Первая кровь	27
Глава 4. Охотник и жертва	40
Глава 5. Побег на Запад	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Эдуард Сероусов

Наследница криптокороля

Часть Первая: Наследство

Глава 1. Падение с небес

Дубай, пентхаус Бурдж-Халифа 124-й этаж

Солнце ещё не взошло над Персидским заливом, но Эмма Кастельяно уже не спала. Она лежала на шёлковых простынях цвета слоновой кости, вдыхая едва уловимый аромат сандала и бергамота – его аромат, – и смотрела сквозь панорамное окно на город, который медленно пробуждался внизу, в семистах метрах под ней.

Дубай в предрассветные часы казался ей сказкой, написанной неоновыми огнями на чёрном бархате ночи. Бесконечные ленты шоссежных дорог мерцали золотистыми жилками, словно кровеносная система какого-то исполинского существа. Небоскрёбы-игла поднимались к облакам, соревнуясь друг с другом в дерзости и высоте, но ни один из них не осмеливался бросить вызов башне, в которой она сейчас находилась. Бурдж-Халифа царила над всем этим великолепием, как императрица, снисходительно вззирающая на своих подданных.

Эмма повернула голову и посмотрела на пустую половину кровати. Простыни ещё хранили тепло его тела, едва заметную вмятину на подушке, где несколько часов назад покоилась его голова. Дэниел всегда просыпался раньше неё – «привычка выживания», как он это называл с той загадочной улыбкой, которая могла означать всё что угодно и одновременно ничего.

Она провела пальцами по его стороне кровати, словно пытаясь прикоснуться к нему через ткань и время. Год. Всего год прошёл с того вечера, когда их взгляды впервые встретились на дипломатическом приёме в консульстве Италии. Год – и вся её жизнь перевернулась с ног на голову, словно кто-то взял её прежнее существование, встряхнул его, как снежный шар, и поставил обратно на каминную полку, любуясь хаотичным танцем снежинок.

Воспоминание о той встрече накатило внезапно, как волна прилива, – яркое, осязаемое, пропитанное ароматом жасмина и звуками арабской музыки.

Консульство Италии в Дубае располагалось в старинном здании на набережной Дейры, в той части города, которая ещё помнила времена, когда здесь были лишь рыбацкие дереvушки и торговцы жемчугом. Отец настоял, чтобы она присутствовала на приёме в честь какого-то очередного инвестиционного соглашения – Эмма уже и не помнила, какого именно. Для неё все эти приёмы давно слились в один бесконечный коктейль из фальшивых улыбок, пустых разговоров и шампанского, которое никогда не было достаточно холодным.

Она стояла у колонны возле французских окон, выходящих на террасу, и делала вид, что увлечена видом на ночной город. На ней было платье от Valentino – тёмно-изумрудное, струящееся, подчёркивающее её средиземноморскую красоту так, как того требовал дипломатический протокол: элегантно, но без вызова. Каштановые волосы были собраны в сложную причёску, открывавшую тонкую шею и старинные серьги с изумрудами – наследство бабушки из Флоренции.

Эмма скучала. Более того – она задыхалась. Двадцать семь лет жизни в золотой клетке дипломатических миссий научили её безупречно играть свою роль, но не научили любить эту игру. Она была дочерью посла, выпускницей Сорбонны с магистерской степенью по между-

народным отношениям, полиглотом, говорившим на пяти языках, – и при всём этом она чувствовала себя декоративной статуэткой, которую выставляют на обозрение в нужные моменты и прячут в сервант, когда гости расходятся.

– Вы смотрите на город так, словно хотите сбежать, – произнёс голос рядом с ней. Английский с едва уловимым акцентом, который она не сразу смогла определить.

Эмма обернулась – и мир на мгновение замер.

Он стоял в нескольких шагах от неё, держа бокал с чем-то янтарным – виски, судя по аромату. Высокий, около ста восьмидесяти сантиметров, с атлетическим телосложением, которое не могли скрыть даже безупречно сидящий смокинг от Tom Ford. Черты его лица несли в себе смешение культур – азиатские скулы, но европейская линия подбородка, глаза тёмные, как обсидиан, но с чем-то неуловимо западным в их выражении. Он смотрел на неё с той особой пристальностью, которая могла бы показаться невежливой, если бы не сопровождалась лёгкой, почти застенчивой улыбкой.

– А вы смотрите на меня так, словно уже знаете ответ, – ответила Эмма, удивляясь собственной дерзости.

– Возможно, знаю. – Он сделал шаг ближе и встал рядом с ней у окна. – Дэниел Чен. Я здесь по приглашению торговой палаты.

– Эмма Кастьяно. Я здесь по приглашению... – она сделала паузу, изображая раздумье, – моего отца, который сейчас, вероятно, обсуждает экспортные квоты с кем-то невыносимо важным.

Дэниел рассмеялся – негромко, искренне, – и этот смех что-то сдвинул в её груди.

– Позвольте угадать – Алессандро Кастьяно? Итальянский посол? Я читал о нём. Впечатляющая карьера.

– Вы читали о моём отце?

– Я читаю обо всём, что может оказаться... интересным.

Что-то в его интонации заставило Эмму настроиться – или, возможно, заинтриговало. Она привыкла к мужчинам, которые интересовались ею из-за отца, его связей, его положения. Но Дэниел Чен не производил впечатления человека, которому нужны чьи-то связи.

– И что же вы нашли интересного на дипломатическом приёме в Дубае, мистер Чен?

– Дэниел, – поправил он. – И я только что это нашёл.

Эмма почувствовала, как кровь приливает к щекам. Банальный комплимент, один из тысячи, которые она слышала на подобных мероприятиях. Но в его исполнении он прозвучал иначе – не как дежурная лесть, а как констатация факта, записанная в невидимый блокнот.

Они проговорили до конца вечера. Потом вышли на террасу, где ночной бриз с залива приносил запах соли и далёких специй. Он рассказывал о своей работе – что-то связанное с финансовыми технологиями, блокчейном, криптовалютами. Эмма слушала, понимая едва ли половину, но замороженная не столько содержанием, сколько страстью, с которой он говорил. В его словах звучала убеждённость человека, который видит будущее раньше других и отчаянно хочет привести туда весь мир.

– Деньги – это просто информация, – говорил он, глядя на огни города внизу. – Числа в компьютере. Но эта информация контролирует жизни миллиардов людей. А контролируют её – несколько сотен человек в нескольких десятках банков. Разве это справедливо?

– А вы хотите изменить это? – спросила Эмма, не скрывая скептицизма.

– Я уже меняю. – Он повернулся к ней, и в его глазах отразились огни небоскрёбов. – Каждый день. Каждой транзакцией. Каждой строчкой кода. Революции больше не делаются на баррикадах, Эмма. Они делаются в серверных комнатах.

Она должна была рассмеяться. Должна была вежливо извиниться и вернуться к отцу, к безопасному миру дипломатических протоколов и предсказуемых карьерных траекторий. Вместо этого она сказала:

– Расскажите мне больше.

Когда рассвет окрасил небо над Дубаем в оттенки розового и золотого, они всё ещё разговаривали. Он провожал её до машины, и там, в предрассветной тишине, когда даже неспящий город на мгновение затаил дыхание, он взял её руку и поднёс к губам.

– Можно я позвоню вам? – спросил он.

– Да, – ответила Эмма, понимая, что этим простым словом она открывает дверь, за которой не будет пути назад.

Шорох за дверью спальни вернул её в настоящее. Дэниел. Она узнала бы его шаги из тысячи других – мягкие, почти бесшумные, как у крупного хищника, который не нуждается в том, чтобы объявлять о своём присутствии.

Дверь открылась, и он вошёл – в шёлковом халате цвета тёмного графита, с чашкой в руках, от которой поднимался пар. Его волосы были ещё влажными после душа, а на губах играла та самая улыбка, которую она полюбила год назад и которую до сих пор не могла разгадать до конца.

– Проснулась? – Он подошёл к кровати и протянул ей чашку. – Зелёный чай с жасмином. Как ты любишь.

Эмма приняла чашку, обхватив её ладонями и впитывая тепло. Чай был идеальной температуры – не слишком горячий, не остывший. Дэниел всегда всё делал идеально. Иногда это пугало её.

– Ты рано встал, – заметила она, отпивая глоток.

– Не мог спать. – Он сел на край кровати и провёл рукой по её волосам, рассыпавшимся по подушке. – Смотрел на тебя.

– Это немного жутко, ты знаешь?

– Я знаю. – Он наклонился и поцеловал её в лоб. – Но я не могу удержаться. Иногда мне кажется, что если я отвлекусь хоть на секунду, ты исчезнешь.

В его голосе было что-то странное – нота, которую Эмма не слышала раньше. Тревога? Печаль? Она отставила чашку на прикроватный столик и взяла его лицо в ладони, заставляя посмотреть ей в глаза.

– Эй. Что случилось?

– Ничего. – Он накрыл её руки своими. – Просто... думал о нас. О том, как нам повезло.

– Повезло?

– Встретиться. Найти друг друга в этом безумном мире. – Он помолчал. – Ты когда-нибудь думала о том, что было бы, если бы ты не пришла на тот приём?

Эмма нахмурилась. Дэниел редко говорил о чувствах – он был человеком действия, а не слов. Эти внезапные откровения тревожили её.

– Я бы, наверное, до сих пор умирала от скуки на дипломатических приёмах, – попыталась она пошутить. – Или вышла бы замуж за какого-нибудь заместителя министра, которого одобрил бы папа.

– А вместо этого ты связалась со мной. – Его улыбка стала шире, но не достигла глаз. – Криптоанархист. Технар. Человек без прошлого.

– Человек, которого я люблю, – поправила Эмма.

Она сказала это просто, без драматизма, как констатацию факта. За год их отношений они редко произносили эти слова вслух – не потому что не чувствовали, а потому что оба знали: некоторые вещи не нуждаются в озвучивании.

Дэниел долго смотрел на неё, и в его тёмных глазах промелькнуло что-то похожее на боль.

– Эмма... – начал он, но запнулся.

– Что?

– Ничего. – Он поднялся и отошёл к окну, встав спиной к ней. Город под ними уже проснулся – солнце заливало Дубай золотом, и небоскрёбы сверкали, как драгоценные камни в оправе песков. – Мне нужно лететь в Сингапур сегодня. Срочное дело.

Эмма откинулась на подушки, пытаясь скрыть разочарование. Они планировали провести эти выходные вместе – круиз на яхте вдоль побережья, ужин в том маленьком ресторане на Пальме, где их никто не знал.

– Надолго?

– Несколько дней. Может, неделю. – Он повернулся к ней. – Мне жаль.

– Всё в порядке. – Она заставила себя улыбнуться. – Я понимаю. Работа.

– Это не просто работа, Эмма. Это... – он замолчал, подбирая слова. – Важно. Очень важно. То, ради чего я работал много лет.

– Твой таинственный проект?

Дэниел никогда не рассказывал ей о деталях своих дел. Она знала, что он владеет несколькими криптобиржами, инвестирует в блокчейн-стартапы, консультирует правительства и корпорации. Но всегда оставалось что-то ещё – что-то, о чём он умалчивал с той же тщательностью, с какой шифровал свои файлы.

– Когда-нибудь я всё тебе расскажу, – сказал он. – Обещаю. Когда придёт время.

– А когда оно придёт?

Он подошёл к ней, наклонился и поцеловал – долго, глубоко, с какой-то отчаянной нежностью, которая заставила её сердце сжаться.

– Скоро, – прошептал он ей в губы. – Очень скоро. И тогда всё изменится. Для нас обоих.

Он улетел через три часа. Эмма проводила его до вертолётной площадки на крыше – Дэниел предпочитал частные перелёты, избегая толп и камер видеонаблюдения в аэропортах. «Привычка», – объяснял он, и она не спрашивала, откуда эта привычка взялась.

Последнее, что она запомнила, – его силуэт в дверях вертолёта, развевающийся полу пиджака, рука, поднятая в прощальном жесте. Потом машина поднялась в воздух, превратилась в точку на фоне ослепительного дубайского неба и исчезла.

Эмма осталась на крыше, обхватив себя руками, хотя утренняя жара уже накрывала город удушающим одеялом. Странное чувство не отпускало её – предчувствие чего-то, чему она не могла дать имя. словно вертолёт унёс не только Дэниела, но и часть её самой.

«Глупости, – сказала она себе. – Он уезжал и раньше. Он всегда возвращается».

Она спустилась в пентхаус и провела день в привычных заботах. Работа над статьёй для международного юридического журнала – она писала о правовом статусе цифровых активов в странах Залива. Видеозвонок матери в Рим, где та жаловалась на жару, политику и соседей – в равных пространстве. Обед с Жасмин Аль-Файед, подругой с университетских времён, которая теперь жила в Дубае и управляла семейным инвестиционным фондом.

– Ты какая-то рассеянная сегодня, – заметила Жасмин, изучая Эмму поверх бокала свежесжатого сока. Они сидели на террасе ресторана в Дубай Марине, и яхты в гавани покачивались на лёгкой волне, как белые лебеди на пруду. – Всё в порядке?

– Дэниел улетел в Сингапур.

– О. – Жасмин понимающе кивнула. – Скучаешь?

– Не то чтобы... – Эмма покрутила стакан с водой, глядя, как преломляются лучи света в хрустальных гранях. – Просто было что-то странное в том, как он прощался. Будто...

– Будто что?

– Будто он уезжал не на неделю. Будто это какое-то другое прощание.

Жасмин наклонилась к ней, и в её тёмных глазах мелькнуло беспокойство.

– Эмма, ты же понимаешь, кто он? – Подруга понизила голос. – Дэниел Чен – один из самых влиятельных людей в криптомире. Люди такого уровня... у них сложные жизни. Враги. Секреты.

– Я знаю.

– Ты уверена? – Жасмин накрыла её руку своей. – Я люблю тебя как сестру, хабибти. И я вижу, как ты счастлива с ним. Но иногда счастье слепит. Мешает видеть очевидное.

– Что именно я должна видеть?

Жасмин не ответила. Вместо этого она отвернулась к окну, к яхтам, к бесконечному голубому небу.

– Забудь. Я просто... беспокоюсь о тебе. Это моя работа – беспокоиться.

Эмма хотела настоять, но в этот момент официант принёс их заказ, и разговор сместился на более безопасные темы: планы на лето, общие знакомые, последние сплетни из мира эмиратской элиты.

Но слова Жасмин засели занозой где-то в глубине сознания.

Ночь она провела в пентхаусе одна. Огромная кровать казалась пустой и холодной, несмотря на климат-контроль, поддерживавший идеальные двадцать два градуса. Эмма ворочалась, проваливалась в беспокойный сон, просыпалась от каждого шороха.

В три часа ночи – она точно запомнила время, горевшее зелёными цифрами на прикроватном дисплее – её разбудил звук. Не шорох, не скрип – электронный сигнал. Уведомление.

Она села в кровати, протирая глаза. Звук доносился из кабинета Дэниела – комнаты, куда он просил её не входить без крайней необходимости. «Рабочее пространство, – объяснял он. – Там много чувствительной информации. Для твоей же безопасности лучше, если ты не будешь знать деталей».

Эмма никогда не нарушала это правило. Она доверяла ему – или, по крайней мере, говорила себе, что доверяет.

Но сейчас, в три часа ночи, когда Дэниел был за тысячи километров, а звук не умолкал, что-то заставило её подняться и пойти к закрытой двери.

Кабинет был не заперт. Странно – обычно Дэниел блокировал его кодом. Эмма толкнула дверь и вошла.

Комната была обставлена в минималистичном стиле: стол из тёмного дерева, эргономичное кресло, стена из мониторов, показывавших котировки криптовалют и биржевые графики в реальном времени. Но источником звука был не монитор.

Ноутбук. Тонкий, серебристый, лежавший в центре стола. Его экран светился в темноте, и на нём пульсировало окно сообщения.

Эмма подошла ближе, её босые ноги бесшумно ступали по мягкому ковру. Ноутбук не должен был быть включён – Дэниел забрал свой рабочий компьютер с собой. Значит, это был резервный, о существовании которого она не знала.

На экране высветилась строка:

ПРОТОКОЛ АКТИВИРОВАН

ПОЛУЧАТЕЛЬ: Е.С.

СТАТУС: ОЖИДАНИЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ

Е.С. – Эмма Кастельяно. Сообщение было адресовано ей.

Она села в кресло – оно всё ещё хранило запах его одеколona – и коснулась тачпада. Экран мигнул, и появился текст:

«Если ты читаешь это, значит, что-то пошло не так.»

*Доверяй только себе.
Первое слово: Whisper.
Всё объяснится. Жди.»*

Сообщение исчезло через секунду – словно растворилось, не оставив следа. Эмма попыталась вызвать его снова, нажимала все кнопки, но ноутбук не реагировал. Экран погас, и комната погрузилась во тьму.

Она просидела в кресле до рассвета, глядя на мёртвый экран и повторяя про себя странные слова: *«Доверяй только себе. Первое слово: Whisper»*.

Что это значило? Какое ещё «первое слово»? И почему Дэниел оставил это сообщение так, словно ожидал, что с ним случится что-то плохое?

«Если ты читаешь это, значит, что-то пошло не так».

Холод пробежал по её позвоночнику, несмотря на тёплый воздух кабинета.

Звонок раздался в семь тридцать утра.

Эмма уже успела принять душ, одеться и выпить три чашки кофе, пытаясь убедить себя, что ночное происшествие было просто странным техническим сбоем. Дэниел перезвонит. Объяснит. Посмеётся над её страхами.

Но звонил не Дэниел.

На экране телефона высветилось имя отца.

– Папа? – Она взяла трубку, удивлённая ранним звонком. Алессандро Кастельяно никогда не звонил дочери просто так – между ними всегда стояла невидимая стена формальностей и невысказанных обид. – Что случилось?

Молчание. Потом – тяжёлый вздох.

– Эмма, – голос отца был странным, каким-то сдавленным. – Ты одна?

– Да. Папа, что...

– Сядь, пожалуйста.

Она уже сидела, но эти слова ударили её в солнечное сплетение. Так не говорят перед хорошими новостями.

– Папа, ты меня пугаешь.

– Произошла катастрофа, Эмма. – Пауза, показавшаяся вечностью. – Частный самолёт потерпел крушение над Индийским океаном. Четыре часа назад.

Мир накрылся. Эмма схватилась за край стола.

– Какой самолёт? – Но она уже знала ответ. Знала с того момента, как услышала голос отца.

– Это был самолёт Дэниела Чена, Эмма. Он летел в Сингапур. – Голос отца дрогнул – впервые за всю её жизнь она слышала в нём такую человечность. – Официальная версия – техническая неисправность. Самолёт упал в океан в трёхстах милях от берега. Спасатели обнаружили обломки, но... – он замолчал.

– Но что? – Эмма услышала собственный голос словно со стороны – плоский, механический.

– Тело не нашли.

Следующие часы слились в один непрерывный кошмар. Эмма плохо помнила, что происходило – отдельные кадры, словно фотографии, разбросанные по полу.

Она помнила, как выронила телефон и он упал на мраморный пол с глухим стуком.

Помнила, как сползла на пол, обхватив себя руками, и раскачивалась, не в силах кричать. Помнила, как прилетела Жасмин – кто-то, видимо, позвонил ей – и обняла Эмму, шепча что-то успокаивающее на арабском.

Помнила, как приехал отец – каким-то чудом он оказался в Дубае на какой-то конференции – и стоял над ней, не зная, что делать, как вести себя с собственной дочерью.

Помнила бесконечные телефонные звонки: журналисты, полиция, адвокаты. Все хотели чего-то от неё – комментариев, показаний, подписей.

Помнила, как кто-то включил телевизор и на экране мелькнули обломки самолёта, плавающие в синей воде океана. И фотография Дэниела – та самая, с благотворительного вечера, где он улыбался в камеру своей загадочной улыбкой.

«Криптомиллиардер Дэниел Чен погиб в авиакатастрофе», – вещал диктор бесстрастным голосом. – «Ему было тридцать пять лет. Состояние оценивалось в несколько миллиардов долларов в криптоактивах...»

Она не плакала. Не могла. Словно что-то внутри неё замёрзло, превратилось в лёд – холодный, твёрдый, не пропускающий никаких эмоций.

Поминальная церемония состоялась через пять дней – столько времени потребовалось, чтобы официально признать Дэниела погибшим при отсутствии тела. Буддийский храм в центре Дубая, скромный и тихий, затерянный среди стеклянных башен и торговых центров.

Дэниел никогда не говорил о своих религиозных убеждениях, но в его документах нашлось распоряжение на случай смерти: буддийская церемония, кремация (когда найдут тело), развеивание праха над океаном. Он продумал всё – даже собственную смерть.

Эмма стояла у алтаря, вдыхая запах благовоний и глядя на фотографию Дэниела, установленную среди белых хризантем. На фото он был моложе – может быть, лет двадцать пять – и его улыбка была иной: открытой, почти мальчишеской, лишённой той непроницаемости, которую она привыкла видеть.

Народу было немного – Дэниел не любил публичности и редко заводил близких друзей. Несколько деловых партнёров в дорогих костюмах. Представитель какого-то благотворительного фонда. Странная молодая женщина с японскими чертами лица, которая стояла в стороне и смотрела на Эмму с выражением, которое было трудно расшифровать – не то горе, не то враждебность.

И, конечно, её отец – Алессандро Кастельяно в безупречном тёмном костюме, с непроницаемым лицом дипломата, который присутствует на чужих похоронах по долгу службы.

– Мне жаль, Эмма, – сказал он ей накануне, и это были единственные слова соболезнования, которые она от него услышала. Он никогда не одобрял Дэниела – «человек без корней», как он его называл. Человек, прошлое которого терялось в тумане противоречивых историй и непроверяемых фактов.

Теперь, стоя у алтаря, Эмма думала о том, как мало она на самом деле знала о человеке, которого любила.

Монах начал читать сутры – мелодичный речитатив на пали, древнем языке буддийских текстов. Дым благовоний поднимался к потолку, закручиваясь в странные спирали. Эмма закрыла глаза и попыталась представить лицо Дэниела, но вместо этого перед ней всплыли слова с ночного экрана:

«Доверяй только себе. Первое слово: Whisper».

– Прошу прощения.

Голос за спиной заставил её вздрогнуть. Она обернулась.

Перед ней стоял мужчина, которого она не видела среди гостей. Высокий, крепко сложенный, с седеющими тёмными волосами и усталым лицом, покрытым тонкой сетью морщин.

Ему было, наверное, лет сорок с небольшим, но глаза казались старше – серо-голубые, внимательные, выдавшие слишком много.

Он был одет в потёртую кожаную куртку поверх чёрной рубашки – странный выбор для буддийской церемонии в Дубае. На его шее висел простой серебряный крестик – ещё одна странность, которая не вязалась с обстановкой.

– Эмма Кастельяно? – спросил он по-английски с заметным французским акцентом.

– Да. – Она инстинктивно отступила на шаг. – Кто вы?

– Николя Дюран. – Он не протянул руки для рукопожатия, просто стоял и смотрел на неё с выражением, которое она не могла прочесть. – Мы можем поговорить? Наедине?

– Сейчас не время...

– Сейчас – единственное время. – Его голос был тихим, но настойчивым. – Поверьте мне, мадемуазель Кастельяно. Это касается Дэниела Чена. И вашей безопасности.

Эмма почувствовала, как её сердце ускорило ритм.

– Моей безопасности?

Николя Дюран бросил быстрый взгляд по сторонам, словно проверяя, не слушает ли их кто-то.

– Пожалуйста. Пять минут. Во дворе храма.

Она должна была отказать. Должна была позвать отца, охрану, кого-нибудь. Но что-то в этом человеке – в его глазах, в его голосе – говорило ей, что он не представляет угрозы. Или, точнее, что он представляет угрозу меньшую, чем то, о чём собирается рассказать.

– Хорошо, – услышала она собственный голос. – Пять минут.

Внутренний двор храма был оазисом тишины посреди городского хаоса. Маленький сад камней, журчащий фонтанчик, бамбуковые заросли, создававшие иллюзию уединения. Солнце Дубая палило беспощадно, но в тени бамбука было почти прохладно.

Николя Дюран остановился у каменной скамьи, но не сел. Стоял, заложив руки за спину, как человек, привыкший к долгим ожиданиям.

– Я работал в Интерполе, – начал он без предисловий. – Двадцать лет. Отдел финансовых преступлений. Специализация – отмывание денег через криптовалюты.

Эмма почувствовала, как холод пробежал по её позвоночнику.

– И что это имеет отношения ко мне?

– Напрямую – ничего. Косвенно... – Он помолчал. – Я вёл дело против Дэниела Чена в течение трёх лет. Собирал доказательства. Строил цепочки. Был близок к тому, чтобы передать материалы в суд.

– Вы хотите сказать, что Дэниел был... преступником?

Слово царапнуло горло, как осколок стекла. Дюран посмотрел на неё – не с осуждением, скорее с сочувствием.

– Я хочу сказать, что Дэниел Чен был сложным человеком. Гением – это несомненно. Визионером – возможно. Преступником... – Он вздохнул. – Границы в его мире размыты. Он отмывал деньги для десятков организаций. Помогал диссидентам выводить средства из-под контроля авторитарных режимов – благородно. Но также помогал картелям и олигархам прятать их кровавые деньги – уже не так благородно.

– Почему вы мне это говорите? – Голос Эммы дрожал. – Сейчас? Здесь?

– Потому что я думаю, что он жив.

Мир снова накренился. Эмма схватилась за каменную скамью, чтобы не упасть.

– Что?

– Катастрофа была слишком... удобной. Слишком чистой. – Дюран покачал головой. – Тело не найдено. Чёрный ящик повреждён. Единственный свидетель – пилот – тоже мёртв. И

самое главное – за три дня до катастрофы Чен перевёл значительную часть своих активов в анонимные кошельки.

– Вы думаете, он инсценировал собственную смерть?

– Я думаю, что это возможно. Он был достаточно умён и достаточно параноидален.

Эмма закрыла глаза. Ноги не держали её, и она опустилась на скамью, обхватив себя руками.

– Зачем? – прошептала она. – Зачем ему это делать?

Дюран сел рядом с ней, сохраняя дистанцию.

– Он был в опасности. Китайская разведка хотела вернуть его – он когда-то работал на них, потом предал. Русская мафия требовала возврата денег, которые он «потерял» в одной из своих схем. Банковский консорциум видел в нём угрозу всей финансовой системе. – Дюран помолчал. – Дэниел Чен нажил слишком много врагов. Возможно, он решил, что единственный способ выжить – это умереть.

– Но... – Эмма посмотрела на него. – Но я? Почему он не сказал мне?

В глазах Дюрана мелькнуло что-то похожее на жалость.

– Вы были его слабостью, мадемуазель Кастельяно. Единственной настоящей слабостью. Если бы он сказал вам – вы стали бы целью. Или, хуже того, могли бы раскрыть его, сами того не желая.

– Вы говорите так, словно уверены...

– Я не уверен ни в чём. – Дюран поднялся. – Это только теория. Возможно, он действительно мёртв, и я ищу заговор там, где его нет. Я потратил три года своей жизни на этого человека – возможно, мне просто трудно принять, что он ускользнул так... банально.

Он достал из кармана визитную карточку и протянул ей. Простой белый картон, только имя и номер телефона.

– Если вы заметите что-то странное – необычные сообщения, незнакомых людей, что угодно, – позвоните мне. В любое время.

Эмма взяла карточку машинально.

– Почему вы помогаете мне? Если Дэниел действительно преступник...

– Потому что я верю, что вы не знали. – Дюран посмотрел ей в глаза. – И потому что, если он жив, – он использовал вас. И вы заслуживаете знать правду.

Он развернулся и пошёл к выходу из сада. У калитки остановился и обернулся.

– И ещё, мадемуазель Кастельяно. Будьте осторожны. Если мои подозрения верны, вы сейчас – самый ценный ключ к состоянию в несколько миллиардов долларов. А это значит, что за вами будут охотиться все те, кто охотился за ним.

Он ушёл, оставив её одну в саду камней, под палящим солнцем Дубая, с визитной карточкой в руке и пустотой в груди.

Вечером того же дня Эмма вернулась в пентхаус. Она не хотела – каждый угол здесь напоминал о нём – но ей некуда было идти. Отец предложил остановиться в резиденции посольства, но перспектива провести дни под его молчаливым осуждающим взглядом казалась невыносимой.

Пентхаус встретил её тишиной и запахом его одеколona, который всё ещё витал в воздухе. Она прошла через гостиную, мимо дивана, где они проводили вечера за просмотром фильмов; мимо кухни, где он готовил ей завтраки по воскресеньям; мимо балкона, где они пили вино и смотрели на огни города.

Остановилась у двери кабинета.

Она думала о словах Дюрана весь день. О том, что Дэниел мог быть жив. О том, что он мог её использовать. О том, что она не знала человека, которого любила.

«Доверяй только себе. Первое слово: Whisper».

Что это значило? Какое ещё «первое слово»? И сколько всего слов?

Решившись, она толкнула дверь кабинета.

Комната была такой же, как в ту ночь – тёмной, тихой, мерцающей экранами мониторов. Ноутбук лежал на столе, но больше не подавал признаков жизни.

Эмма села в кресло и начала методично обыскивать ящики стола. Документы – в основном на китайском и английском, финансовые отчёты, непонятные графики. Жёсткие диски – зашифрованные, без пароля бесполезные. Флешки – десятки, помеченные кодами, которые ей ничего не говорили.

Потом она нашла это.

В самом нижнем ящике, под стопкой бумаг, лежал небольшой прямоугольный предмет. Металлический корпус, небольшой экран, две кнопки. Она видела такие в статьях о криптовалютах – hardware wallet, аппаратный кошелёк. Устройство для хранения криптографических ключей offline, вне досягаемости хакеров и государственных служб.

Эмма повертела его в руках. На задней стороне была выгравирована надпись – от руки, явно добавленная после покупки:

«Для Э. – Когда придёт время».

Она нажала кнопку включения. Экран загорелся, высветив простое сообщение:

ВВЕДИТЕ PIN-КОД

ПОПЫТКА 1 ИЗ 3

PIN-код. Она не знала никакого PIN-кода. Три попытки – и что будет после третьей неудачной? Устройство заблокируется? Уничтожит данные?

«Первое слово: Whisper».

Это не PIN-код. Это слово. Часть чего-то большего.

Эмма сидела в темноте кабинета, держа в руках устройство, которое могло стоить миллиарды – или не стоить ничего. Думала о Дэниеле, который оставил ей это как загадку, как квест, как проверку.

Жив он или мёртв?

Любил он её или использовал?

И что ей теперь делать с этим знанием – или с этим незнанием?

За панорамным окном кабинета Дубай мерцал миллионами огней, равнодушный к её страданиям. Где-то там, в этом блестящем лабиринте из стали и стекла – или за тысячи километров отсюда – скрывались ответы на её вопросы.

Эмма положила hardware wallet в карман и поднялась.

Первое слово было «Whisper». Теперь ей нужно было найти остальные.

И понять, кем на самом деле был человек, которого она любила.



Глава 2. Нежеланное наследство

Дубай, деловой район DIFC Три дня спустя

Офис нотариальной конторы «Аль-Мансур и партнёры» располагался на сорок втором этаже одной из башен-близнецов в самом сердце Международного финансового центра Дубая. Эмма стояла у панорамного окна приёмной, глядя на город, который расстился внизу геометрически идеальной сеткой улиц и зданий, и думала о том, как странно устроена жизнь.

Три дня назад она была женщиной в трауре – убитой горем, потерянной, цепляющейся за осколки разбитого счастья. Сегодня она стояла здесь, в безупречном чёрном костюме от Chanel, с волосами, собранными в строгий узел, и ждала, когда ей зачитают завещание человека, которого она, возможно, никогда по-настоящему не знала.

Hardware wallet лежал в её сумочке – холодный, тяжёлый, напоминающий о себе при каждом движении. Она так и не решилась ввести PIN-код, боясь заблокировать устройство неправильной комбинацией. Три попытки – слишком мало для экспериментов.

«Первое слово: Whisper».

Эти слова преследовали её, как навязчивый мотив песни, которую невозможно выбросить из головы. Она искала в интернете, читала статьи о криптовалютах, о seed phrase – мнемонических фразах, используемых для восстановления доступа к криптокошелькам. Двенадцать или двадцать четыре слова, выбранных из специального словаря. Записанные в правильном порядке, они давали полный контроль над цифровыми активами. Без них – даже владелец не мог получить доступ к собственным деньгам.

Дэниел оставил ей первое слово. Значит, где-то были остальные одиннадцать.

– Мисс Кастельяно?

Эмма обернулась. Молодая женщина в хиджабе и деловом костюме стояла в дверях, держа в руках планшет.

– Мистер Аль-Мансур готов вас принять. Прошу следовать за мной.

Кабинет старшего партнёра конторы был обставлен с той сдержанной роскошью, которая говорила о деньгах громче любой показухи. Тёмное дерево, кожа, приглушённый свет настольных ламп. На стенах – каллиграфические надписи арабской вязью, в углу – антикварный сундук, инкрустированный перламутром.

За массивным столом сидел Халид Аль-Мансур – седовласый мужчина лет шестидесяти с аккуратной бородкой и пронизательными карими глазами. Рядом с ним расположился молодой человек в очках – видимо, помощник или младший партнёр.

Но не они привлекли внимание Эммы.

У окна, заложив руки за спину, стоял её отец.

Алессандро Кастельяно повернулся к дочери, и его лицо – это лицо опытного дипломата, привыкшего скрывать эмоции – на мгновение дрогнуло. Что-то похожее на беспокойство мелькнуло в его глазах, прежде чем маска вежливой отстранённости снова заняла своё место.

– Эмма. – Он кивнул ей, не двигаясь с места. – Ты вовремя.

– Папа. – Она не ожидала увидеть его здесь. Или, точнее, ожидала – но надеялась, что обойдётся без его присутствия. – Я не знала, что ты тоже приглашён.

– Я настоял, – ответил он. – Ты моя дочь. Я имею право знать, во что тебя втянул этот... человек.

Эмма почувствовала, как знакомое раздражение поднимается в груди. «Этот человек». Даже после смерти Дэниела отец не мог произнести его имя.

– Прошу вас, присаживайтесь, – вмешался Аль-Мансур, указывая на кресла перед столом. Его английский был безупречен, с лёгким британским акцентом – наследие образования в Оксфорде, как позже узнала Эмма. – У нас много вопросов для обсуждения.

Эмма села в одно из кресел. Отец занял место рядом, сохраняя между ними дистанцию в локоть – символическую границу, которую они давно перестали пересекать.

– Прежде чем мы начнём, – продолжил нотариус, раскрывая папку перед собой, – я должен уточнить: присутствуют ли все указанные в завещании лица?

– Все? – Эмма нахмурилась. – Я думала, что я единственная наследница.

– Вы – основная наследница, мисс Кастельяно. Но мистер Чен оставил распоряжения относительно нескольких других лиц. Некоторые из них получили уведомления и должны были прибыть сегодня...

В этот момент дверь кабинета открылась, и вошла женщина.

Эмма узнала её сразу – это была та самая незнакомка с японскими чертами лица, которую она видела на поминальной церемонии. Теперь, при дневном свете, Эмма могла рассмотреть её лучше: лет тридцать, хрупкая, с короткой стрижкой и большими тёмными глазами за стёклами модных очков. На ней был строгий серый костюм, но что-то в её манере держаться выдавало человека, более привычного к джинсам и кроссовкам.

– Простите за опоздание, – сказала она по-английски с заметным японским акцентом. – Пробки.

– Мисс Танака, – Аль-Мансур поднялся, приветствуя её. – Рад, что вы смогли приехать. Прошу, присаживайтесь.

Танака. Юкико Танака – имя всплыло в памяти Эммы из какого-то давнего разговора с Дэниелом. Коллега. Программист. Кто-то из его прошлой жизни в Токио.

Женщина села в кресло по другую сторону от Эммы, бросив на неё короткий взгляд. В этом взгляде было что-то странное – не враждебность, но и не дружелюбие. Скорее... оценка. Словно Юкико Танака примеряла её к какому-то внутреннему стандарту.

– Теперь все в сборе, – констатировал Аль-Мансур, снова усаживаясь за стол. – Позвольте начать.

– Последняя воля и завещание Дэниела Ливэня Чена, – читал нотариус размеренным голосом, – составлено четырнадцатого марта две тысячи двадцать пятого года в городе Дубай, Объединённые Арабские Эмираты. Я, Дэниел Чен, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, настоящим завещаю...

Эмма слушала, и с каждым словом реальность вокруг неё становилась всё более сюрреалистичной.

Дэниел оставил небольшие суммы нескольким благотворительным организациям – фондам, помогающим политическим беженцам из Китая, образовательным программам в области криптографии, какому-то загадочному «Проекту цифровой свободы». Юкико Танака получала его долю в токийском стартапе и коллекцию редких книг по криптографии.

Но основное наследство – всё остальное – он оставил ей.

– ...все мои цифровые активы, включая, но не ограничиваясь: криптовалюты Bitcoin, Ethereum и другие альткоины; токены децентрализованных финансовых протоколов; невзаимозаменяемые токены; доли в децентрализованных автономных организациях; а также все средства доступа к вышеперечисленным активам...

– Простите, – перебил Алессандро Кастельяно, и его голос звучал напряжённо. – О какой сумме идёт речь?

Аль-Мансур поднял глаза от документа.

– Точная оценка затруднена из-за волатильности криптовалютных рынков, – сказал он осторожно. – Однако по состоянию на день смерти мистера Чена... – он сверился с другим документом, – общая стоимость его цифровых активов оценивалась приблизительно в пять миллиардов долларов США.

Тишина.

Эмма услышала, как отец резко втянул воздух. Юкико Танака осталась неподвижной, но её пальцы сжались на подлокотнике кресла.

Пять миллиардов долларов.

Это было невозможно. Нереально. Дэниел был богат – она это знала. Пентхаус в Бурдж-Халифа, частные самолёты, коллекция искусства. Но пять миллиардов?

– Это... – она запнулась, – это какая-то ошибка. Дэниел никогда не говорил...

– Мистер Чен был крайне скрытен в вопросах своего состояния, – мягко сказал нотариус. – Даже мы, его юридические представители, узнали полный масштаб только после его... ухода.

– Пять миллиардов. – Голос отца был ледяным. – И всё это – моей дочери? Женщине, с которой он был знаком меньше года?

– Таково было желание мистера Чена, синьор Кастьяно.

– Это безумие. – Алессандро поднялся, и его обычно сдержанное лицо исказилось от едва сдерживаемого гнева. – Эмма, ты не можешь принять это наследство.

– Папа...

– Послушай меня. – Он повернулся к ней, и в его глазах было что-то, чего она никогда раньше не видела. Страх? – Ты не понимаешь, во что ты ввязываешься. Такие деньги... это не благословение. Это проклятие. За ними охотятся люди, которых ты даже представить себе не можешь.

– Синьор Кастьяно, – вмешался Аль-Мансур, – возможно, нам стоит дослушать завещание до конца. Мистер Чен оставил особые распоряжения, которые...

– Меня не интересуют его распоряжения! – Алессандро ударил ладонью по столу, и молодой помощник нотариуса вздрогнул. – Этот человек втянул мою дочь в какую-то грязную игру. Он использовал её. И даже после смерти продолжает использовать!

– Папа, хватит!

Эмма тоже поднялась, и её голос прозвучал громче, чем она рассчитывала. Отец замер, уставившись на неё.

– Это моё решение, – сказала она, стараясь говорить спокойно, хотя сердце колотилось в груди. – Не твоё. Моё. Я выслушаю завещание до конца, а потом решу, что делать. Если тебе это не нравится – ты можешь уйти.

Они стояли друг напротив друга – отец и дочь, разделённые не только расстоянием, но и годами недопонимания, несказанных слов, подавленных эмоций.

– Ты совершаешь ошибку, – наконец произнёс Алессандро. Голос его стал тихим, почти печальным. – Точно такую же ошибку, которую совершила твоя мать, когда...

Он осёкся, словно сказал больше, чем хотел.

– Когда что? – Эмма нахмурилась. – Что мама сделала?

– Ничего. Забудь. – Он отвернулся и направился к двери. – Делай как знаешь. Но не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Эмма медленно опустилась обратно в кресло. Руки дрожали.

– Мисс Кастьяно, – голос Аль-Мансура был мягким, – вам нужна минута?

– Нет. – Она заставила себя выпрямиться. – Продолжайте, пожалуйста.

Завещание содержало ещё несколько страниц юридических формулировок, но суть была ясна: Эмма Кастельяно становилась единственной наследницей криптоимперии Дэниела Чена.

Однако была одна загвоздка.

– Доступ к активам, – объяснял Аль-Мансур, – зашифрован с помощью так называемой seed phrase – мнемонической фразы из двенадцати слов. Без этой фразы невозможно получить контроль над кошельками, в которых хранятся средства.

– И где эта фраза? – спросила Эмма, хотя уже догадывалась об ответе.

Нотариус развёл руками.

– Мистер Чен не включил её в завещание. Он лишь указал, что «наследница знает, где искать».

«Первое слово: Whisper».

– Он оставил мне... подсказки, – медленно сказала Эмма. – Зашифрованные подсказки.

– Это соответствует его характеру, – неожиданно подала голос Юкико Танака. Она говорила тихо, не глядя на Эмму. – Дэниел никогда не делал ничего просто. Всё должно было быть игрой, головоломкой, тестом.

– Вы хорошо его знали? – Эмма повернулась к ней.

Юкико наконец встретилась с ней взглядом, и в её глазах мелькнуло что-то болезненное.

– Пять лет. Мы работали вместе в Токио. Он был... – она замолчала, подбирая слова, – ... гениальным. И невозможным. И я думала, что знаю его. До тех пор, пока он не исчез однажды ночью, не оставив даже записки.

В её словах звучала горечь, и Эмма вдруг поняла то, что подозревала с первой встречи. Юкико Танака любила Дэниела. Возможно, до сих пор любит.

– Мне жаль, – сказала Эмма, не зная, что ещё сказать.

– Не надо. – Юкико покачала головой. – Это было давно. И это не ваша вина.

– Есть ещё кое-что, – снова заговорил Аль-Мансур. – Мистер Чен оставил видеосообщение. Оно предназначено исключительно для мисс Кастельяно, но он разрешил показать его в присутствии других наследников, если они пожелают остаться.

Эмма посмотрела на Юкико. Та кивнула – едва заметно, но решительно.

– Хорошо, – сказала Эмма. – Включайте.

Помощник нотариуса развернул на столе портативный экран и запустил файл. Экран мигнул, и на нём появилось лицо Дэниела.

Он сидел в своём кабинете – том самом, где Эмма нашла ноутбук с сообщением. За его спиной мерцали экраны с графиками, и слабый свет ламп отбрасывал тени на его лицо. Он был одет в простую чёрную футболку, волосы слегка растрёпаны – непривычно домашний вид для человека, который всегда выглядел безупречно.

Когда он заговорил, его голос был спокойным, почти мягким.

– Здравствуй, Эмма.

У неё перехватило дыхание. Это был его голос. Живой. Настоящий. Словно он сидел прямо перед ней, а не смотрел с экрана записи, сделанной... когда? Недели назад? Месяцы?

– Если ты слышишь это, значит, что-то пошло не так. Возможно, я мёртв. Возможно... – он сделал паузу, и тень улыбки тронула его губы, – ...притворяюсь. Ты ведь знаешь, я всегда любил драматические эффекты.

Эмма почувствовала, как слёзы подступают к глазам. Сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

– Я знаю, что у тебя сейчас много вопросов. Кто я на самом деле? Что я делал? Почему не рассказал тебе? – Дэниел на экране вздохнул. – Ответы существуют, Эмма. Но я не могу просто дать их тебе. Это было бы... неправильно. И опасно.

Он наклонился ближе к камере, и его глаза – эти тёмные, непроницаемые глаза – словно смотрели прямо ей в душу.

– Я оставил тебе всё, что имел. Не потому, что хотел сделать тебя богатой – деньги никогда не были для меня целью. Я оставил тебе это, потому что верю в тебя. Верю, что ты способна найти правду. Верю, что ты способна сделать правильный выбор, когда узнаешь её.

Он откинулся назад.

– Двенадцать слов, Эмма. Двенадцать ключей, спрятанных в местах, которые что-то значили для нас обоих. Или для меня одного – в моём прошлом, о котором я тебе не рассказывал. Найди их. Собери фразу. И тогда ты получишь не только деньги – ты получишь доступ к истине.

Пауза. Дэниел посмотрел куда-то в сторону, словно прислушиваясь к чему-то за кадром.

– Но будь осторожна. За этими деньгами охотятся многие. Люди, которые не остановятся ни перед чем. Китайское правительство считает, что я украл у них секреты. Русские криминальные группы думают, что я им должен. Международные банки видят во мне угрозу своему существованию. И есть ещё... другие. Те, кто разделял мои идеи. Или думал, что разделяет.

Он снова посмотрел в камеру.

– Доверяй только себе, Эмма. Первое слово ты уже знаешь. Остальные – ищи там, где живут наши воспоминания. И помни: в этой игре все лгут. Даже те, кто кажутся друзьями. Даже те, кто кажутся врагами.

Пауза.

– Я любил тебя. Люблю. Это единственное, в чём я никогда не лгал. – Его голос дрогнул. – Найди правду, Эмма. Но будь готова к тому, что истина изменит всё. Изменит то, как ты видишь мир. Изменит то, как ты видишь меня. Изменит то, как ты видишь себя.

Он протянул руку к камере – жест, который мог означать прощание или благословение.

– До встречи. Так или иначе.

Экран погас.

Тишина в кабинете была оглушительной.

Эмма сидела неподвижно, глядя на тёмный экран. Слёзы текли по её щекам, но она не замечала их. В голове крутились его слова – раз за разом, как заикленная запись.

«Возможно, я мёртв. Возможно... притворяюсь».

«Доверяй только себе».

«В этой игре все лгут».

– Мисс Кастельяно? – Голос Аль-Мансура доносился словно издалека. – Вам нужно что-нибудь? Воды?

Она покачала головой, пытаясь собраться.

– Когда это было записано?

– Файл датирован шестым марта этого года. За три недели до... катастрофы.

Три недели. Он записал это за три недели до своей смерти. Знал ли он уже тогда, что умрёт? Или планировал исчезнуть?

– Он сказал, что многие охотятся за деньгами, – медленно произнесла Эмма. – Кто именно знает о наследстве?

Аль-Мансур переглянулся со своим помощником.

– Мы соблюдали строжайшую конфиденциальность, – сказал он. – Однако... информация такого масштаба имеет свойство просачиваться. Мистер Чен был известной фигурой в криптомире. Его смерть привлекла внимание. Люди задают вопросы.

– Какие люди?

– Разные. – Нотариус явно взвешивал каждое слово. – За последние дни наша контора получила несколько... запросов. От юридических представителей Китайской Народной Республики – они утверждают, что часть активов мистера Чена принадлежит китайским государственным структурам. От европейского банковского консорциума – они обеспокоены «системными рисками», связанными с возможным выводом такого объёма криптовалюты на рынок. И от... – он замялся, – ...других заинтересованных сторон, чью аффилиацию мы не смогли установить.

– Русские, – тихо сказала Юкико Танака. – Он говорил мне о них. Организованная преступность из Екатеринбурга. Они использовали его платформы для отмывания денег, а потом он... перестал с ними сотрудничать.

– Вы знали об этом? – Эмма повернулась к ней.

– Знала. – Юкико пожала плечами. – Дэниел никогда не был святым. Он работал со всеми, кто мог помочь его целям. А его цели... – она покачала головой, – ...были больше, чем деньги.

– Какие цели?

Юкико посмотрела на неё долгим взглядом.

– Это не мне рассказывать. Если он хотел, чтобы вы знали, – он оставил бы подсказки. Может быть, уже оставил.

После официального окончания процедуры Эмма вышла в коридор, чувствуя себя так, словно её пропустили через центрифугу. Голова кружилась от избытка информации, эмоций, вопросов без ответов.

Пять миллиардов долларов. Двенадцать слов. Охотники со всего мира. И загадочное послание от человека, который мог быть мёртв – или мог притворяться.

Она достала телефон и посмотрела на экран. Три пропущенных звонка от отца. Сообщение от Жасмин: «Как прошло? Позвони, когда сможешь». И ещё одно сообщение – с незнакомого номера.

Она открыла его и прочитала:

«Нам нужно поговорить. Николая Дюран. Внизу, в кафе напротив. Жду».

Эмма посмотрела в окно. Через дорогу от башни располагалось небольшое кафе с открытой террасой, затенённой белыми зонтами. За одним из столиков сидел человек в кожаной куртке, и даже с высоты сорок второго этажа она узнала его силуэт.

Интерполовец. Человек, который сказал ей, что Дэниел мог инсценировать свою смерть.

Она убрала телефон в сумку и направилась к лифту.

Кафе называлось «Оазис» – ироничное название для заведения в самом сердце бетонных джунглей DIFC. Но внутренний дворик действительно напоминал оазис: пальмы в кадках, журчащий фонтанчик, тень и прохлада кондиционированного воздуха.

Николай Дюран сидел за угловым столиком, откуда открывался обзор на оба входа. Перед ним стояла чашка кофе, к которой он, судя по всему, не притронулся. При её приближении он поднялся.

– Мадемуазель Кастельяно. Благодарю, что пришли.

– У меня не было особого выбора. – Она села напротив него. – Вы следите за мной?

– Слежу. – Он не стал отрицать. – Это в ваших же интересах. Вы не представляете, сколько глаз сейчас наблюдают за вами.

– Просветите меня.

Дюран оглянулся по сторонам – привычный жест человека, проведшего жизнь в мире, где паранойя была не болезнью, а необходимостью.

– Видите того человека в сером костюме у входа? – Он едва заметно кивнул в сторону. – Китаец, работает на MSS – Министерство государственной безопасности. Они отслеживают каждый ваш шаг с момента похорон.

Эмма незаметно бросила взгляд в указанном направлении. Человек в сером костюме делал вид, что читает газету на планшете.

– А женщина за столиком у фонтана? – продолжал Дюран. – Русская. Вероятно, связана с группировкой Соколова – того самого криминального синдиката из Екатеринбурга. Они потеряли большие деньги из-за Чена и хотят их вернуть.

– Откуда вы всё это знаете?

– Двадцать лет в Интерполе. Я узнаю эти типы с закрытыми глазами. – Он подвинул к ней чашку с капучино. – Я заказал для вас. Надеюсь, вы не против.

Эмма посмотрела на чашку, но не притронулась к ней.

– Вы сказали на похоронах, что Дэниел мог быть жив. Вы всё ещё так думаете?

– Я думаю, что это возможно. Не более того. – Дюран наклонился к ней. – Но даже если он мёртв, это не меняет вашей ситуации. Вы сейчас – самый ценный человек на планете для очень многих людей.

– Почему?

– Потому что вы – единственный ключ к пяти миллиардам долларов. Без вас – без вашего знания, без ваших подсказок – эти деньги недоступны. Криптография работает в обе стороны: она защищает владельца, но также делает его незаменимым.

Эмма вспомнила слова Дэниела: «Двенадцать слов, Эмма. Двенадцать ключей, спрятанных в местах, которые что-то значили для нас обоих».

– Seed phrase, – сказала она. – Двенадцать слов.

Дюран кивнул.

– Стандартный механизм восстановления криптокошелька. Эти двенадцать слов – единственный способ получить контроль над активами Чена. Без них деньги заблокированы навечно. С ними – любой может их забрать.

– Любой?

– Любой, кто знает все двенадцать слов в правильном порядке. – Дюран откинулся на спинку стула. – Поэтому Чен разделил фразу на части. Поэтому спрятал их по всему миру. И поэтому доверил только вам найти их.

– Но я не знаю, где искать! – Эмма едва не повысила голос. – Он говорит о местах, которые что-то для нас значили, но я не понимаю, что он имел в виду!

– Подумайте, – сказал Дюран терпеливо. – Где вы бывали вместе? Какие места были особенными? Где он делал вам предложение? Где вы впервые...

Он не договорил, но Эмма поняла. Дэниел превратил их отношения в карту сокровищ. Каждое значимое место, каждое воспоминание – потенциальная точка на маршруте.

– Это займёт месяцы, – сказала она. – Годы. Мы бывали везде – Париж, Токио, Швейцария, острова в Тихом океане...

– У вас нет месяцев. – Голос Дюрана стал жёстче. – Люди, которые охотятся за вами, не будут ждать. Китайцы уже давят на власти ОАЭ, требуя заморозить наследство. Русские... – он сделал паузу, – ...у них свои методы убеждения.

– Вы пытаетесь меня напугать?

– Я пытаюсь вас защитить. – Дюран посмотрел ей в глаза. – Послушайте, мадемуазель Кастьяно. Я провёл три года, пытаюсь поймать Дэниела Чена. Я знаю о нём больше, чем кто-либо другой – кроме, возможно, вас. Я могу помочь вам найти эти слова. Помочь понять, кем он был. Помочь выжить.

– А что вы получите взамен?

На мгновение что-то мелькнуло в его глазах – боль? сожаление? – но тут же исчезло.

– Правду, – сказал он. – Я хочу знать правду о Дэниеле Чене. Был ли он преступником, которого я преследовал? Или... кем-то другим? – Он помолчал. – И ещё... у меня есть личные причины. Но о них я расскажу, когда вы будете готовы доверять мне.

Эмма смотрела на этого человека – усталого, седеющего, с глазами, видевшими слишком много. Дэниел предупредил её: «В этой игре все лгут. Даже те, кто кажутся друзьями».

Но у неё не было друзей в этой игре. Только враги, о которых она ничего не знала, и незнакомцы, предлагающие помощь.

– Почему я должна вам верить? – спросила она. – Вы сами сказали – вы преследовали Дэниела. Вы хотели посадить его в тюрьму. Откуда мне знать, что вы не хотите просто добраться до денег?

Дюран вздохнул и полез во внутренний карман куртки. Достал потрёпанную фотографию и положил перед ней на стол.

На фото была женщина – темноволосая, улыбающаяся, с ямочками на щеках. Рядом с ней стоял Дюран – моложе, без седины в волосах, с выражением счастья на лице, которое казалось невозможным для того сурового человека, который сидел сейчас перед Эммой.

– Моя жена, – сказал он тихо. – Мари. Она умерла пять лет назад. Официально – от рака.

– Официально?

Дюран забрал фотографию и спрятал обратно в карман.

– Она была убита. Отравлена. Редкое соединение, которое имитирует симптомы рака на поздней стадии. Я узнал это только через год после её смерти, когда один информатор слил мне документы.

– Кто это сделал?

– Я не знаю. Но я знаю, почему. Это было предупреждение. Мне приказали прекратить расследование – одно из расследований, связанных с отмыванием денег через криптоплатформы. Я отказался. И они убили Мари, чтобы показать, что могут добраться до любого, кого я люблю.

Эмма почувствовала, как холод пробежал по её позвоночнику.

– И вы думаете, что это был Дэниел?

– Я не знаю. – Дюран покачал головой. – Честно – не знаю. Он был связан с теми людьми, которые могли отдать такой приказ. Но... был ли он достаточно жесток для этого? Я так и не смог понять. – Он посмотрел ей в глаза. – Поэтому я здесь, мадемуазель Кастельяно. Не ради денег. Ради правды. Ради понимания, какой именно монстр убил мою жену. Или... был ли он вообще монстром.

Они молчали. За окном Дубай жил своей жизнью – потоки машин, толпы людей, небо-скрёбы, тянущиеся к небу. Мир, которому не было дела до их драм и трагедий.

– Допустим, я соглашусь на вашу помощь, – наконец сказала Эмма. – Что вы предлагаете?

– Для начала – безопасность. Ваш пентхаус – не лучшее место для пребывания. Слишком известно, слишком доступно. Нужно что-то более защищённое.

– Переехать?

– Временно. Пока мы не разберёмся с ситуацией. – Дюран достал телефон и показал ей фотографию здания – современного, но неприметного. – У меня есть контакты. Квартира в Дубай Марине, под чужим именем. Охрана, системы наблюдения, несколько путей эвакуации.

– Эвакуации?

– На случай, если найдут. – Он сказал это так буднично, что Эмма поняла: для него это была обычная часть жизни. – И ещё – нам нужно начать искать слова. Вы сказали, что знаете первое?

Эмма помедлила. Затем кивнула.

– Whisper. Он оставил мне сообщение. Первое слово – Whisper.

Дюран задумался.

– Whisper. Шёпот. Это может быть буквальным или символическим. Было ли что-то в ваших отношениях, связанное с шёпотом? Какое-то место, событие?

Эмма закрыла глаза, пытаясь вспомнить. Шёпот. Что-то, связанное с шёпотом...

И вдруг она вспомнила.

– Пустыня, – сказала она, открывая глаза. – Когда мы только начали встречаться, он возил меня в пустыню. Там есть место – бедуины называют его «Песчаный шёпот». Дюны создают странный звуковой эффект, когда дует ветер. Дэниел сказал, что древние верили: пустыня разговаривает с теми, кто умеет слушать.

Дюран кивнул.

– Это может быть оно. Второе слово может быть там.

– Но это огромная территория! Как я найду конкретное место?

– Подумайте. Вы были там вместе. Что особенного было в том визите? Куда именно он вас возил? С кем вы встречались?

Эмма напрягла память. Тот день – жара, бескрайние дюны, странное чувство свободы...

– Был проводник, – вспомнила она. – Старый бедуин. Дэниел сказал, что они давние друзья. Он показывал нам древние петроглифы на скалах...

– Имя?

– Я... не помню. Что-то арабское. Хасан? Хуссейн?

– Неважно. – Дюран поднялся. – Мы найдём его. Бедуинское сообщество тесное – если ваш Дэниел был его «другом», кто-то будет знать.

Эмма тоже встала.

– Когда мы едем?

– Не «мы». – Дюран покачал головой. – Сначала – безопасность. Вы переезжаете в квартиру, которую я подготовил. Потом – планирование. Мы не можем просто отправиться в пустыню без подготовки. За вами следят.

– Но...

– Мадемуазель Капельяно. – Его голос стал мягче. – Я понимаю ваше нетерпение. Но спешка – враг выживания. Дэниел оставил вам этот квест не для того, чтобы вы погибли на первом же этапе. Доверьтесь мне – хотя бы в этом.

Эмма посмотрела на него – на этого усталого человека, потерявшего жену и посвятившего жизнь погоне за призраками. Могла ли она ему доверять? Дэниел предупреждал – «все лгут». Но у неё не было выбора.

– Хорошо, – сказала она. – Показывайте вашу безопасную квартиру.

Они вышли из кафе через чёрный ход – Дюран настоял. Машина ждала в переулке – неприметный серый седан с тонированными стёклами.

– Мои люди, – объяснил Дюран, когда водитель открыл им дверь. – Бывшие коллеги из Интерпола. Им можно доверять.

Эмма села на заднее сиденье, и машина тронулась, вливаясь в бесконечный поток дубайского трафика. За окном мелькали знакомые виды – небоскрёбы, торговые центры, мечети с золотыми куполами.

– Мне нужно заехать в пентхаус, – сказала она. – Забрать вещи.

– Мы отправим кого-то за вами. Вам лучше не появляться там.

– Почему?

Дюран помедлил.

– Пока вы были у нотариуса, мои люди провели проверку вашего дома. Они обнаружили... признаки проникновения.

Эмма похолодела.

– Что?

– Кто-то побывал в пентхаусе за последние сутки. Профессионально – никаких следов взлома, никаких отпечатков. Но они переставили некоторые вещи. Проверяли компьютеры, искали документы.

– Они... – Эмма не могла поверить. – Они были в моём доме?

– Да. И, вероятно, установили прослушку. Возможно, камеры.

Мир вокруг неё рушился. Ещё несколько дней назад она была обычной женщиной – дочерью дипломата, любящей подругой, человеком с нормальной жизнью. Теперь за ней следили. В её дом вламывались. Её окружали враги, о которых она ничего не знала.

– Кто это был?

– Трудно сказать. Уровень профессионализма указывает на государственные структуры – Китай или Россия. Хотя банковский консорциум тоже располагает такими ресурсами.

– Что им нужно?

– То же, что и всем. – Дюран посмотрел в окно. – Доступ к деньгам. Или к вам – как к ключу, открывающему этот доступ.

Эмма прижала руку к сумке, где лежал hardware wallet. Маленькое устройство, которое могло стоить миллиарды. Или жизнь.

– Мистер Дюран...

– Николя. Если мы будем работать вместе, лучше без формальностей.

– Николя. – Она помолчала. – Вы сказали, что хотите правды о Дэниеле. А что, если правда окажется... плохой? Что, если он действительно был тем монстром, которого вы искали?

Дюран долго не отвечал. Машина свернула на шоссе Шейха Зайда, и небоскрёбы Дубая поплыли за окном, как декорации футуристического фильма.

– Тогда я хотя бы буду знать, – наконец сказал он. – Незнание хуже любой правды. Я прожил пять лет, не понимая, кто убил мою жену и почему. Это разъедает изнутри, как кислота. – Он повернулся к ней. – А вы, Эмма? Что вы будете делать, если окажется, что человек, которого вы любили, был преступником?

Эмма посмотрела в окно – на солнце, на небо, на город, раскинувшийся под ними.

– Я не знаю, – честно ответила она. – Но я должна узнать. Иначе... иначе всё, что у нас было – каждый момент, каждое воспоминание – будет ложью. А я не хочу жить с ложью.

Дюран кивнул – не соглашаясь, а признавая её право на этот ответ.

– Тогда мы найдём правду вместе. – Он протянул ей руку. – Договорились?

Эмма посмотрела на его руку – большую, с мозолями, с тонким шрамом на костяшках. Рука человека, который знал насилие не понаслышке.

Она пожала её.

– Договорились.

Машина мчалась по шоссе, унося их навстречу неизвестности. За спиной оставались руины прежней жизни Эммы – нотариальная контора с шокирующими цифрами, отец, ушедший в гнев, женщина с японскими глазами, хранящая свои секреты.

Впереди ждали двенадцать слов, разбросанных по миру.

И истина, которая могла изменить всё.



Глава 3. Первая кровь

Дубай, пентхаус Бурдж-Халифа Два дня спустя, 02:47 ночи

Эмма проснулась от звука, которого не должно было быть.

Она лежала в темноте безопасной квартиры, которую организовал для неё Николая, и несколько секунд не могла понять, что именно её разбудило. Квартира была погружена в тишину – ту особенную, ватную тишину дорогих апартаментов с идеальной звукоизоляцией. За окном мерцали огни Дубай Марины, отражаясь в чёрной воде залива.

А потом она услышала снова.

Тихий щелчок. Металлический, едва уловимый. Такой звук издаёт замок, когда его открывают – медленно, осторожно, профессионально.

Сердце Эммы подскочило к горлу. Она замерла, боясь пошевелиться, боясь даже дышать. Николая говорил, что эта квартира безопасна. Говорил, что её никто не найдёт. Говорил...

Шаги. Мягкие, почти неслышные – но она всё равно их различила. Несколько пар ног,двигающихся с пугающей синхронностью. Профессионалы. Охотники.

Эмма скользнула с кровати, стараясь не издать ни звука. Босые ноги коснулись холодного мрамора пола. Она была в шёлковой пижаме – беззащитная, безоружная.

Нет, не совсем безоружная.

Она вспомнила то, что Николая показал ей в первый день. «На всякий случай», – сказал он, открывая потайную панель в изголовье кровати. Внутри лежал пистолет – компактный Glock 19, заряженный, со снятым предохранителем.

«Вы умеете обращаться с оружием?» – спросил он тогда.

«Отец научил меня стрелять, когда мне было пятнадцать. Сказал, что дочь дипломата должна уметь защитить себя».

«Хорошо. Надеюсь, вам не придётся это использовать».

Эмма протянула руку к панели, и её пальцы нащупали холодный металл рукояти. Она вытащила пистолет, и его тяжесть в ладони была одновременно пугающей и успокаивающей.

Шаги приближались. Они были уже в коридоре, ведущем к спальне.

Эмма метнулась к окну. Николая говорил о путях эвакуации. Пожарная лестница снаружи балкона. Если она успеет...

Дверь спальни распахнулась.

В проёме возник силуэт – чёрный на фоне тусклого света из коридора. Человек в тактическом снаряжении, с прибором ночного видения на голове, с автоматом в руках.

На долю секунды они замерли – охотник и жертва, глядя друг на друга сквозь темноту.

Потом человек поднял оружие.

Эмма выстрелила первой.

Отдача ударила в запястье, звук выстрела разорвал тишину, как гром среди ясного неба. Человек в дверях дёрнулся и упал – она попала ему в грудь, но бронежилет принял пулю.

Не думай. Беги.

Она рванулась к балконной двери, слыша за спиной крики на незнакомом языке – русском? китайском? – и топот ног. Стеклопанельная дверь поддалась, и горячий ночной воздух Дубая обдал её лицо.

Пожарная лестница была справа. Металлическая конструкция, уходящая вниз в темноту. Двадцать третий этаж – далеко до земли, но выбора не было.

Эмма перемахнула через перила балкона, и её ноги коснулись решётчатых ступеней. Холодный металл впился в босые подошвы. Она начала спускаться – быстро, почти падая, хватаясь за поручни.

Сверху раздались выстрелы. Пули высекли искры из металла в нескольких сантиметрах от её головы.

Быстрее. Быстрее.

Она считала этажи – двадцать второй, двадцать первый, двадцатый. Руки горели от трения о поручни, ноги скользили на ступенях. Где-то над ней слышался грохот – преследователи тоже спускались по лестнице.

На восемнадцатом этаже она увидела открытое окно. Не думая, она нырнула внутрь, приземлившись на пол чьей-то гостиной. Темнота, тишина, запах благовоний. Она была в чужой квартире.

Эмма вскочила на ноги и побежала к входной двери. Выглянула в коридор – пусто. Лифты были в конце, но пользоваться ими было самоубийством. Лестница.

Она толкнула дверь аварийного выхода и помчалась вниз по бетонным ступеням. Её дыхание эхом отдавалось от стен, босые ноги шлёпали по холодному бетону. Пистолет всё ещё был в руке – она даже не заметила, как продолжала сжимать его.

Пятнадцатый этаж. Десятый. Пятый.

На третьем этаже она услышала звук – дверь где-то наверху с грохотом распахнулась. Они были в лестничной клетке. Они её нашли.

Эмма выскочила на первый этаж и оказалась в подземном паркинге. Ряды машин, тусклый свет люминесцентных ламп, бетонные колонны.

Куда теперь?

Её взгляд упал на мотоцикл – спортивный Ducati, припаркованный у стены. Ключи... ключей не было. Но рядом с мотоциклом стоял электросамокат – один из тех прокатных, которые были разбросаны по всему Дубаю. Она схватила его и рванула к выезду.

Пандус вёл наверх, к ночным улицам города. Эмма мчалась на самокате, едва удерживая равновесие, чувствуя, как ветер треплет её волосы и шёлк пижамы. Сзади взревел мотор – машина преследователей выезжала из паркинга.

Она свернула в переулок, слишком узкий для автомобиля. Проскочила между мусорными баками, едва не врезалась в стену. Выскочила на параллельную улицу и снова свернула – влево, вправо, не разбирая дороги.

Только бы оторваться. Только бы выжить.

Через двадцать минут она остановилась в тени заброшенной стройки на окраине Джумейры. Самокат разрядился, и последние метры она преодолела пешком, прячась за контейнерами и штабелями стройматериалов.

Эмма прислонилась к бетонной стене и попыталась отдышаться. Руки тряслись. Ноги были изодраны в кровь – босые подошвы не выдержали гонки по асфальту. Пистолет всё ещё был зажат в ладони, и она с трудом разжала пальцы, чтобы положить его на землю.

Она убила человека.

Эта мысль пришла внезапно, как удар под дых. Она выстрелила в человека. Да, он был в бронежилете. Да, он, вероятно, выжил. Но она нажала на курок с намерением убить. И если бы бронежилета не было...

Её вырвало. Она едва успела отвернуться, и её желудок вывернулся наизнанку – кислая желчь, потому что есть было нечего. Она стояла на коленях, упираясь ладонями в грязный бетон, и её тело сотрясалось от сухих рвотных спазмов.

Прежняя Эмма умерла этой ночью. Та Эмма, которая ходила на дипломатические приёмы и пила шампанское, которая спорила о международном праве и мечтала о карьере в ООН. Та Эмма, которая никогда не держала в руках настоящее оружие.

Теперь была другая Эмма. Женщина, которая стреляла в людей. Которая бежала по ночным улицам в пижаме, как загнанный зверь. Которая пряталась в тени заброшенной стройки, не зная, что делать дальше.

Телефон. Ей нужен телефон.

Она порылась в карманах пижамы – пусто. Телефон остался в квартире, вместе со всем остальным. Документы, деньги, одежда. Hardware wallet.

Hardware wallet.

Нет. Нет-нет-нет.

Эмма похолодела. Устройство было в её сумке, в спальне. Она забыла его. В панике, в хаосе побега – она забыла единственную вещь, которая имела значение.

Пять миллиардов долларов, оставшиеся навсегда недоступными.

Первое слово seed phrase, потерянное вместе с устройством.

Она закрыла лицо руками и беззвучно заплакала.

Сколько времени прошло – она не знала. Может, минуты. Может, часы. Небо начинало сереть на востоке, и первые лучи рассвета пробивались сквозь скелеты недостроенных зданий.

Эмма заставила себя подняться. Слезы высохли, оставив на щеках солёные дорожки. Она была грязной, раненой, босой – но живой. Это главное. Она жива.

Думай. Что теперь?

Николя. Она должна связаться с Николя. Но как, без телефона?

Жасмин. Её подруга жила где-то неподалёку – в одном из особняков на Пальме Джумейра. Если она сможет добраться туда...

Эмма осмотрелась. Стройка располагалась на границе жилого района – впереди, за забором, виднелись аккуратные виллы с бассейнами и пальмами во дворах. Люди. Цивилизация. Возможность позвонить.

Она подобрала пистолет, проверила магазин – осталось четырнадцать патронов – и спрятала оружие за пояс пижамных брюк, прикрыв свободной тканью топа. Это было смешно – женщина в шёлковой пижаме с пистолетом за поясом – но ей было не до смеха.

Она перелезла через забор стройки и направилась к ближайшей вилле.

Охранник на воротах посмотрел на неё как на привидение. Неудивительно – грязная, босая, в порванной пижаме, с кровоточащими ногами. Она выглядела как жертва катастрофы или сбежавшая сумасшедшая.

– Мне нужно позвонить, – сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Пожалуйста. Это срочно.

Охранник – пожилой индеец в форме частной охранной компании – нерешительно переминался с ноги на ногу.

– Мэм, я не могу пускать посторонних...

– Меня зовут Эмма Кастельяно. Мой отец – Алессандро Кастельяно, посол Италии в ОАЭ. – Она произнесла это с той интонацией, которую усвоила за годы жизни в дипломатическом мире – вежливой, но не терпящей возражений. – На меня напали. Мне нужна помощь.

При упоминании посла охранник вытянулся.

– Конечно, мэм. Пожалуйста, проходите. Я позвоню хозяевам...

– Не нужно. Только телефон. И... – она посмотрела на свои изодранные ноги, – ...может быть, аптечка.

Через пятнадцать минут она сидела в маленькой будке охранника, прижимая к уху древний кнопочный телефон. Ноги были забинтованы – неумело, но чисто. На плечах лежало одеяло, которое охранник достал из своего шкафчика.

Номер Жасмин она помнила наизусть – одна из немногих вещей, которые намертво засели в памяти ещё со студенческих времён.

Гудок. Ещё гудок. Ещё...

– Алло? – Сонный голос Жасмин прозвучал как музыка.

– Жасмин. Это Эмма.

– Эмма?! – Мгновенно проснувшийся голос. – Что случилось? Ты где? Почему звонишь с незнакомого номера?

– Слушай внимательно. – Эмма старалась говорить быстро, но чётко. – На меня напали. Несколько человек. Я сбежала, но у меня ничего нет – ни документов, ни денег, ни телефона. Мне нужна твоя помощь.

– О Аллах... – В голосе Жасмин звучал неприкрытый ужас. – Ты в безопасности? Ты ранена?

– Царапины. Ничего серьёзного. Жасмин, я не могу вернуться домой. И в квартиру, которую мне сняли – тоже. Они знают, где я живу.

– Приезжай ко мне. Немедленно. Я пришлю машину...

– Нет. – Эмма замотала головой, хотя подруга не могла её видеть. – Они могут следить за тобой тоже. Нужно что-то другое.

Жасмин замолчала, и Эмма слышала, как она думает – почти физически ощущала работу её мозга через телефонную линию.

– Загородный дом, – наконец сказала Жасмин. – Мой отец купил его год назад, но мы там почти не бываем. Он записан на имя одной из семейных компаний – никто не свяжет его со мной напрямую. Я дам тебе адрес.

– Как я туда доберусь?

– Такси. Плати наличными – я оставлю деньги в тайнике у ворот. Чёрная коробка справа от калитки, код 7749.

– Жасмин...

– Не благодари. Просто выживи. – Голос подруги дрогнул. – И Эмма... что происходит? Это связано с наследством?

– Да, – сказала Эмма. – Да, это связано с наследством. Я всё объясню, когда смогу. А сейчас мне нужно уходить.

– Будь осторожна, хабибти. Я буду ждать известий.

Эмма положила трубку и закрыла глаза. Она была жива. У неё был план – пусть хрупкий, пусть временный, но план. Это было больше, чем полчаса назад.

Такси довезло её до загородного дома Аль-Файедов за сорок минут. Солнце уже поднялось над горизонтом, заливая пустыню золотым светом. Дом оказался скромной – по меркам эмиратской элиты – виллой в арабском стиле, окружённой высокой белой стеной и пальмами.

Тайник был на месте. Внутри чёрной коробки лежала пачка дирхамов, ключ от дома и записка от Жасмин: «В гараже есть машина. Ключи в бардачке. Позвони, когда сможешь. Люблю тебя».

Эмма вошла в дом и первым делом проверила все комнаты. Пусто, тихо, безопасно. Мебель была накрыта чехлами, воздух пах пылью и неиспользованием. Идеальное убежище.

Она нашла ванную и долго стояла под горячим душем, смывая грязь, кровь и страх. Вода стекала чёрными ручейками, унося с собой следы этой безумной ночи. Когда она наконец вышла, её кожа была красной от жара, но внутренний холод никуда не делся.

В одном из шкафов нашлась женская одежда – видимо, принадлежавшая сестре или матери Жасмин. Эмма выбрала простые джинсы, белую рубашку и кроссовки, которые оказались чуть велики, но вполне годились.

Потом она села на диван в гостиной и заставила себя думать.

Они нашли её. Кто бы «они» ни были – китайцы, русские, наёмники банков – они вычислили квартиру, которую Николая считал безопасной. Значит, либо у них были лучшие ресурсы, чем он предполагал, либо...

Либо у них был информатор.

Эмма вспомнила слова Дэниела: «В этой игре все лгут. Даже те, кто кажутся друзьями».

Могла ли она доверять Николаю? Он был бывшим интерполовцем, преследовавшим Дэниела. Он утверждал, что хочет правды о смерти жены. Но что, если это была только легенда? Что, если он работал на кого-то из охотников?

Нет. Нельзя так думать. Если она перестанет доверять всем, она сойдёт с ума.

Но и доверять слепо она больше не могла.

Эмма посмотрела на свои руки – чистые, без крови, но всё ещё дрожащие. Она выстрелила в человека этой ночью. Она была готова убить, чтобы выжить. И, что самое страшное, она знала: если придётся, она сделает это снова.

«Прежняя Эмма умерла», – подумала она. – «Теперь нужно решить, кем станет новая».

К полудню она набралась смелости позвонить Николаю. Номер был записан в её памяти – она запоминала всё важное, привычка из детства, когда телефоны ещё были редкостью.

Он ответил после первого гудка.

– Эмма? Слава богу. – В его голосе звучало неподдельное облегчение. – Я искал вас всю ночь. Квартира была разгромлена, кровь на полу... я думал...

– Я жива. – Она говорила сухо, не позволяя эмоциям просочиться в голос. – Но у меня вопросы.

– Я понимаю. – Пауза. – Вы думаете, что это я навёл их?

– А вы?

– Нет. – Его голос был твёрдым. – Клянусь вам, Эмма, я не имею к этому отношения. Но... – он запнулся, – ...я должен был лучше проверить квартиру. Возможно, они следили за мной. Возможно, у них есть источники в моих бывших связях. Это моя ошибка.

– Как они нашли меня?

– Я не знаю. Пока не знаю. Но я выясню.

Эмма молчала, обдумывая его слова. Он говорил искренне – или был очень хорошим лжецом. В её мире эти понятия перестали быть взаимоисключающими.

– Hardware wallet, – сказала она наконец. – Он остался в квартире.

– Я знаю. Мои люди нашли его – точнее, нашли место, где он был. Его забрали.

Удар под дых. Эмма закрыла глаза.

– Значит, всё кончено. Без устройства...

– Нет. – Николай перебил её. – Устройство – это только хранилище. Оно защищено PIN-кодом, но даже если они его взломают... внутри нет самой seed phrase. Только зашифрованный доступ к кошелькам.

– Я не понимаю.

– Seed phrase – это двенадцать слов. Вы знаете первое. Остальные спрятаны. Даже если у них есть устройство, без полной фразы они не получают доступ к деньгам. – Пауза. – Более того, без фразы они не смогут даже использовать устройство. Дэниел был параноиком – он наверняка настроил его так, что оно бесполезно без дополнительной верификации.

Эмма почувствовала, как слабая надежда шевельнулась в груди.

– Значит, мне всё ещё нужно найти слова?

– Да. И теперь это ещё важнее. Потому что теперь они знают, что фраза – единственный ключ. Они будут охотиться за ней так же жаростно, как охотились за вами.

– Что мне делать?

– Где вы сейчас?

Эмма замешкалась. Доверять ли ему?

– В безопасном месте. Это всё, что вам нужно знать.

Пауза. Потом – тихий смешок.

– Хорошо. Вы учитесь. – Его голос потеплел. – Эмма, я понимаю, что вы не можете мне доверять. После того, что случилось – это было бы глупо. Но позвольте дать вам совет: найдите второе слово. Сейчас. Пока они перегруппировываются, пока думают, что вы прячетесь в страхе. Используйте это время.

– Второе слово в пустыне, – сказала она. – Место, которое Дэниел называл «Песчаный шёпот». Но я не знаю, как туда добраться, и у меня нет...

– У вас есть Жасмин Аль-Файед.

Эмма замерла.

– Откуда вы знаете?

– Я знаю много, Эмма. Это моя работа. Жасмин – пилот-любитель. У её семьи есть вертолёт. Если кто-то может доставить вас в пустыню незаметно – это она.

Эмма думала. Жасмин уже помогла ей – приют, деньги, машина. Просить о большем было рискованно. Но Николя был прав: ей нужно было действовать, пока охотники зализывали раны.

– Я позвоню вам, когда найду слово, – сказала она и повесила трубку.

Жасмин ответила на первый гудок – она явно ждала у телефона.

– Эмма! Ты в порядке? Ты добралась?

– Да. Спасибо тебе. За всё.

– Глупости. Мы же сёстры. – Голос Жасмин был тёплым, но в нём слышалось напряжение. – Что дальше? Что тебе нужно?

Эмма помедлила. То, о чём она собиралась просить, было опасно. Не только для неё – для Жасмин тоже.

– Я должна попасть в пустыню. В место, которое называется «Песчаный шёпот». Это где-то в районе Руб-эль-Хали, на границе с Саудовской Аравией.

Жасмин присвистнула.

– Это далеко. И... не самое безопасное место. Там бедуинские территории, практически никакой инфраструктуры.

– Знаю. Но мне нужно туда попасть. Сегодня.

– Почему?

– Дэниел оставил там кое-что для меня. Часть головоломки, которую я должна решить.

Молчание. Эмма слышала, как подруга дышит – тяжело, с присвистом.

– Это связано с теми людьми, которые на тебя напали?

– Да.

– И если ты найдёшь эту... часть головоломки... они отстанут?

- Нет. – Эмма не стала лгать. – Но если я не найду её, у меня не будет шансов вообще.
Снова молчание. Потом:
- Вертолёт отца стоит в ангаре аэропорта Аль-Мактум. У меня есть допуск и лицензия пилота. – Пауза. – Дай мне два часа.
- Жасмин...
- Не спорь. – Голос подруги стал жёстким. – Ты – моя семья. А семья не бросает своих. Это закон пустыни, хабибти. Мой отец научил меня этому раньше, чем я научилась ходить.
- Эмма почувствовала, как горло сжимается от непрошенных эмоций.
- Я не знаю, как тебя благодарить.
- Выживи. И когда-нибудь расскажи мне всю эту безумную историю за бокалом вина. – Короткий смешок. – Хотя я не пью. Но ради такого случая, может, и начну.

Вертолёт поднялся над Дубаем в три часа дня, когда солнце уже начинало клониться к западу. Это был Bell 407 – гладкий, чёрный, с золотой полосой вдоль борта. Логотип семьи Аль-Файед красовался на хвосте: стилизованный сокол, символ эмиратской знати.

Жасмин вела машину уверенно, как прирождённый пилот. Её руки в лётных перчатках едва касались рычагов управления, а глаза непрерывно сканировали приборную панель и горизонт.

Эмма сидела рядом, глядя в иллюминатор. Город быстро остался позади, сменившись бескрайней жёлто-рыжей пустыней. Дюны уходили до горизонта, как застывшие волны древнего моря. Кое-где виднелись пятна зелени – оазисы, редкие и драгоценные, как изумруды на золотом песке.

– Красиво, правда? – сказала Жасмин через гарнитуру. – Я выросла в городе, но пустыня – это моё настоящее наследие. Мой дед был бедуином, кочевником. Он говорил, что пустыня – это место, где можно услышать голос Аллаха.

– Дэниел тоже любил её, – тихо ответила Эмма. – Он говорил, что только здесь чувствует себя по-настоящему свободным.

– Странно для человека, который всю жизнь провёл перед компьютерами.

– Дэниел был полон противоречий.

Они летели молча около часа. Пейзаж внизу постепенно менялся – дюны становились выше, резче, древнее. Это была Руб-эль-Хали, Пустая четверть – одна из самых суровых пустынь на планете, где температура летом поднималась до шестидесяти градусов, а дожди не выпадали годами.

– Там, – сказала Эмма, указывая вперёд. – Видишь скальное образование?

Впереди, посреди моря песка, возвышались красные скалы – выветренные временем, изъеденные ветрами, похожие на руины древнего храма. Рядом с ними, у подножия самой высокой скалы, виднелись чёрные пятна бедуинских шатров.

– Вижу. – Жасмин начала снижение. – Там можно сесть?

– Дэниел сажался там на джипе. Вертолёт должен поместиться.

Они приземлились в облаке песка, поднятого лопастями. Когда пыль осела, Эмма увидела, как от шатров к ним направляется группа людей – мужчины в традиционных белых одеждах, с лицами, закрытыми от солнца.

Она выбралась из вертолёта и ступила на горячий песок. Воздух был раскалён, как в печи, и каждый вдох обжигал лёгкие. Но она едва замечала это – всё её внимание было сосредоточено на приближающихся бедуинах.

Они остановились в нескольких метрах от неё. Один из них – старик с изборождённым морщинами лицом и пронзительными тёмными глазами – выступил вперёд.

– Салам алейкум, – сказала Эмма, сложив руки в традиционном приветствии.

– Ва алейкум ас-салам, – ответил старик. Его голос был хриплым от песка и лет. – Вы – женщина Дэниела?

Эмма замерла.

– Вы... вы знаете обо мне?

– Он сказал, что вы придёте. – Старик кивнул, словно это было самым естественным делом в мире. – Он сказал, что однажды женщина с глазами цвета тёплого мёда придёт сюда и спросит о песчаном шёпоте. И что я должен рассказать ей о свободе.

Его звали Хуссейн ибн Рашид, и он был вождём небольшого клана бедуинов, чьи предки кочевали по этим пескам тысячи лет. Дэниел познакомился с ним пять лет назад – тогда ещё молодой, безвестный программист из Гонконга, путешествовавший по миру в поисках чего-то, чего сам не мог объяснить.

– Он пришёл к нам умирающим, – рассказывал Хуссейн, пока они сидели в прохладе шатра, попивая сладкий мятный чай. – Его машина сломалась в двадцати километрах отсюда, и он три дня шёл по пустыне. Когда мы нашли его, он был обожжён солнцем и полумёртв от жажды. Любой другой человек погиб бы. Но он выжил.

– Дэниел был упрямым, – тихо сказала Эмма.

– Он был избранным. – Хуссейн покачал головой. – Пустыня выбирает тех, кого хочет оставить. Остальных – забирает. Дэниел прошёл испытание.

– Что было потом?

– Он остался с нами на месяц. Учился выживать в песках. Слушал наши истории. Говорил о своих мечтах. – Старик улыбнулся, и морщины на его лице сложились в узор, похожий на карту пустыни. – Он хотел создать место, где люди будут свободны. Без королей, без законов, без границ. Я сказал ему, что такое место уже существует. – Он обвёл рукой шатёр. – Это пустыня.

– И он согласился?

– Он сказал, что пустыня – для немногих. А он хочет свободы для всех.

Эмма отпила чай, обдумывая услышанное. Дэниел, которого она знала, был успешным бизнесменом, криптомагнатом, человеком роскоши и технологий. Но здесь, в этих историях, проступал другой Дэниел – мечтатель, идеалист, человек, почти погибший в погоне за чем-то большим, чем деньги.

Кого из них она любила? И существовали ли они отдельно друг от друга?

– Он оставил для меня послание, – сказала она. – Что-то связанное со свободой.

Хуссейн кивнул и поднялся. Его старые кости скрипели, но движения оставались удивительно плавными.

– Идите за мной.

Они вышли из шатра и направились к скалам. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая пустыню в оттенки красного и золотого. Тени от скал вытягивались на песке, как пальцы великана.

Хуссейн вёл её узкой тропой между камнями, пока они не оказались у входа в неглубокую пещеру. На стенах виднелись древние петроглифы – стилизованные фигуры людей, верблюдов, странных животных с длинными шеями.

– Этим рисункам пять тысяч лет, – сказал Хуссейн. – Мои предки верили, что здесь живут духи пустыни. Они приходили сюда, чтобы говорить с ними.

Он подвёл её к одной из стен, где петроглифы были особенно густыми. И там, среди древних рисунков, Эмма увидела что-то, чего не могло быть здесь пять тысяч лет назад.

QR-код.

Маленький, аккуратный, выгравированный на камне с поразительной точностью. Современный символ цифрового мира – посреди древних наскальных рисунков.

– Дэниел, – прошептала она.

– Он пришёл сюда год назад, – сказал Хуссейн. – Провёл целый день с этой стеной. Я не знаю, что он делал, но когда уходил, он сказал: «Когда она придёт, пусть прочитает поэму. Она поймёт».

– Поэму?

Хуссейн указал на нижнюю часть стены, где, под QR-кодом, были высечены строки на арабском языке. Эмма наклонилась, вглядываясь в буквы.

Её арабский был не идеален, но достаточен, чтобы прочитать:

«Птица в клетке поёт о небе, Но не знает простора ветра. Откройте дверцу – и она улетит В бесконечную синеву свободы.

То, что ты ищешь, – внутри тебя. То, что ты теряешь, – лишь иллюзия. Истинная свобода – не в месте, А в выборе, который ты делаешь.

Второе слово – Freedom. Помни: свобода стоит того, чтобы за неё бороться».

Эмма прочитала последнюю строку дважды, трижды, пока смысл не дошёл до неё полностью.

Freedom. Свобода.

Второе слово.

Она достала телефон Жасмин, который подруга дала ей перед вылетом, и сфотографировала QR-код. Потом отсканировала его – на экране появился зашифрованный файл, для открытия которого требовался пароль.

«*Whisper Freedom*», – ввела она.

Файл открылся.

Внутри было ещё одно послание – на этот раз видео. Лицо Дэниела на маленьком экране, на фоне этих же скал, в свете заходящего солнца.

– Ты нашла второе слово, – сказал он, и его голос дрожал – не от страха, а от чего-то похожего на благоговение. – Я знал, что найдёшь. Ты всегда была сильнее, чем думала о себе.

Эмма смотрела на его лицо – знакомое, любимое, теперь такое далёкое – и чувствовала, как слёзы катятся по её щекам.

– Десять слов осталось, – продолжал Дэниел на экране. – Десять ключей, разбросанных по миру. Каждый – в месте, которое что-то значило для меня. Или для нас обоих. – Он помолчал. – Ты, наверное, уже поняла: я всё это спланировал. Мою «смерть». Твоё наследство. Этот квест. Ты имеешь право ненавидеть меня за это.

Эмма не ненавидела. Она не знала, что чувствует – смесь горя, гнева, растерянности, любви.

– Но я хочу, чтобы ты поняла одну вещь, – говорил Дэниел. – Я не сделал этого, чтобы причинить тебе боль. Я сделал это, потому что знал: если я останусь рядом, ты никогда не станешь тем, кем должна стать. Ты всегда будешь в моей тени. А ты заслуживаешь собственного света.

Он посмотрел прямо в камеру, и его глаза – те самые тёмные, непроницаемые глаза – наполнились чем-то похожим на нежность.

– Следующий ключ – в Швейцарии. Ты знаешь, где. Помнишь нашу поездку в горы, когда ты сказала, что время там движется иначе? Найди это место. И будь осторожна, Эмма. За тобой охотятся многие. Больше, чем ты думаешь. – Пауза. – Я люблю тебя. Это никогда не было ложью.

Экран погас.

Эмма стояла в пещере, залитой последними лучами заходящего солнца, и смотрела на мёртвый экран телефона. Вокруг неё – пятитысячелетние рисунки, молчаливый бедуинский старик, бескрайняя пустыня.

И правда – горькая, тяжёлая, невыносимая правда – медленно оседала в её сознании.

Дэниел всё спланировал.

Каждый шаг, каждую подсказку, каждую опасность. Он превратил её жизнь в игру, в квест, в испытание. Он «умер», чтобы она могла «родиться заново».

Но кто дал ему право решать за неё?

Обратный путь прошёл в молчании. Жасмин не задавала вопросов, видя состояние подруги. Вертолёт летел над ночной пустыней, и огни Дубая постепенно вырастали на горизонте – сначала слабое свечение, потом россыпь звёзд, потом ослепительное море неона.

Эмма смотрела на город и думала.

За ней охотились многие. Она знала о китайцах, о русских, о банковском консорциуме. Но сколько ещё игроков было в этой партии? Сколько теней двигалось за её спиной, пока она металась по миру в поисках двенадцати слов?

И кем был Дэниел во всей этой истории? Жертвой, вынужденной бежать от врагов? Манипулятором, использовавшим её как пешку? Влюблённым мужчиной, пытавшимся защитить её по-своему?

Или всем этим одновременно?

– Куда теперь? – спросила Жасмин, когда они приземлились в ангаре.

Эмма посмотрела на подругу – усталую, перепачканную маслом, с растрёпанными волосами под лёгким шлемом. Жасмин рисковала всем, помогая ей. Своей безопасностью, репутацией семьи, возможно – жизнью.

– Мне нужно попасть в Швейцарию, – сказала Эмма. – Следующая подсказка там.

– Швейцария. – Жасмин кивнула, словно речь шла о поездке в соседний район. – Я могу организовать частный рейс. У отца есть контакты в авиакомпании...

– Нет. – Эмма покачала головой. – Ты и так сделала достаточно. Больше, чем я имела право просить.

– Эмма...

– Послушай. – Она взяла руки подруги в свои. – Я не знаю, чем всё это закончится. Но я знаю одно: я не имею права тянуть тебя за собой в это безумие. У тебя есть семья, жизнь, будущее. Ты не должна рисковать ими ради моих проблем.

Жасмин долго смотрела на неё, и в её тёмных глазах блестели непролитые слёзы.

– Ты – моя семья, – тихо сказала она. – Мы подруги уже двенадцать лет, Эмма. Ты была рядом, когда умерла моя бабушка. Ты была рядом, когда меня бросил жених. Ты думаешь, я могу просто отойти в сторону, когда тебе угрожают?

– Я думаю, что ты должна. – Эмма сжала её руки крепче. – Потому что если с тобой что-то случится из-за меня, я никогда себе этого не прощу.

Они стояли в тишине ангара, окружённые машинами и запахом авиационного топлива. Две женщины, выросшие в роскоши и привилегиях, столкнувшиеся с реальностью, о существовании которой не подозревали.

– Хорошо, – наконец сказала Жасмин. – Я отступлю. Но обещай мне одну вещь.

– Что?

– Обещай, что позвонишь, если понадобится помощь. Не будешь играть в героиню. Не будешь думать, что должна справиться со всем сама.

Эмма кивнула.

– Обещаю.

Они обнялись – крепко, отчаянно, как будто это было последнее объятие в их жизни. И когда Эмма наконец отстранилась, она увидела, что Жасмин плачет.

– Береги себя, хабибти, – прошептала подруга. – И найди эту свою правду. Чего бы это ни стоило.

Эмма покинула ангар через служебный выход, избегая камер и охранников. Николая встречал её на парковке – неприметная машина, тусклый свет фонаря, его усталый силуэт за рулём.

– Второе слово? – спросил он, когда она села рядом.

– Freedom. Свобода.

– Хорошо. – Он завёл мотор. – Что дальше?

– Швейцария. Там третье слово. – Она помолчала. – Но сначала... я должна понять кое-что.

– Что именно?

Эмма повернулась к нему. В свете приборной панели его лицо казалось высеченным из камня – резкие черты, глубокие тени, непроницаемые глаза.

– Сколько людей охотится за мной? – спросила она. – Не приблизительно. Точно.

Николай вздохнул.

– Китайская разведка – минимум одна оперативная группа, четыре-шесть человек. Русская организованная преступность – бригада Соколова, возможно, до десяти человек в регионе. Банковский консорциум – они работают через частные охранные компании, оценить сложно, но ресурсы у них огромные. – Он помолчал. – И ещё есть те, кого мы не знаем. Хакеры из коллектива «Атлант». Возможно, другие криминальные группы, которым Дэниел был должен. Возможно, правительственные агентства из других стран.

Эмма закрыла глаза.

– Десятки людей.

– Как минимум.

– И все они хотят одного – seed phrase?

– Большинство. Некоторым нужен сам Дэниел – живой или мёртвый. Некоторым – информация, которую он накопил за годы работы. – Николай посмотрел на неё. – Но вы правы: seed phrase – главный приз. Пять миллиардов долларов – достаточная мотивация, чтобы перевернуть мир.

– Дэниел всё это знал, – тихо сказала Эмма. – Он знал, что за ним охотятся. Знал, что за мной будут охотиться. И всё равно...

– Всё равно втянул вас.

– Всё равно спланировал всё это.

Машина выехала на шоссе, вливаясь в редкий ночной поток. Дубай мерцал за окном – город, который никогда не спал, город мечтаний и кошмаров.

– Зачем? – спросила Эмма, глядя на огни. – Зачем он это сделал? Если любил меня – зачем превратил мою жизнь в этот... этот ад?

Николай долго не отвечал. Потом сказал:

– Возможно, он думал, что это не ад. Возможно, он думал, что даёт вам шанс.

– Шанс на что?

– Стать свободной. – Николай пожал плечами. – Он был одержим свободой, не так ли? Свободой от правительств, от банков, от контроля. Возможно, он хотел освободить и вас.

– От чего?

– От той жизни, которую вы вели. От роли дочери посла, от ожиданий общества, от... – он замаялся, – ...от себя самого. Он знал, что пока он рядом, вы всегда будете в его тени.

Эмма вспомнила слова из видео: «Если я останусь рядом, ты никогда не станешь тем, кем должна стать».

– Но он не имел права решать за меня, – прошептала она. – Не имел права...

– Нет, – согласился Николая. – Не имел. Но он всё равно это сделал. Вопрос в том, что вы будете делать теперь, когда знаете.

Эмма посмотрела на свои руки. Руки, которые этой ночью держали пистолет. Руки, которые нажали на курок. Руки, которые уже никогда не будут такими, как раньше.

– Я найду остальные слова, – сказала она. – Найду правду. А потом...

– А потом?

– А потом я решу, что делать с этой правдой. И с этой свободой, которую он мне навязал.

Николая кивнул, и в его глазах – впервые с их встречи – мелькнуло что-то похожее на уважение.

– Тогда едем, – сказал он. – Швейцария ждёт.

Машина набрала скорость, унося их в ночь. За спиной оставался Дубай – город, где умерла прежняя Эмма. Впереди лежал мир – огромный, опасный, полный охотников и тайн.

Десять слов. Десять ключей. Десять шагов к истине.

И где-то там, в конце этого пути – ответ на вопрос, кем на самом деле был человек, которого она любила.



Глава 4. Охотник и жертва

Дубай, старый город Дейра На следующее утро после возвращения из пустыни
Кафе «Аль-Фараби» пряталось в лабиринте узких улочек старой Дейры, в той части Дубая, которую не показывали туристам и не печатали на глянцевых открытках. Здесь не было небоскрёбов и неоновых вывесок – только древние глинобитные стены, деревянные балконы с резными перилами и запах специй, пропитавший каждый камень за сотни лет.

Эмма сидела за столиком в дальнем углу, спиной к стене, лицом к входу. Эту привычку она переняла у Николая – «никогда не оставляй спину незащищённой» – и теперь не могла представить, как раньше садилась где придётся, не задумываясь о путях отступления.

Перед ней стояла чашка с крепким арабским кофе, к которому она едва притронулась. Сон этой ночью был рваным, наполненным кошмарами – выстрелы, бегство по тёмным коридорам, лицо человека, в которого она стреляла. Она просыпалась в холодном поту, хватая воздух ртом, и лежала в темноте, прислушиваясь к каждому шороху.

Николя появился ровно в назначенное время – восемь утра. Он был одет неприметно: потёртые джинсы, серая рубашка с закатанными рукавами, солнцезащитные очки. Ничто в его облике не выдавало бывшего агента Интерпола – он выглядел как усталый турист средних лет, затерявшийся в чужом городе.

– Доброе утро. – Он сел напротив, сняв очки и положив их на стол. Его глаза были красными от недосыпа. – Как вы себя чувствуете?

– Как человек, который за последние сорок восемь часов выстрелил в другого человека, пролетел над пустыней на вертолёте и узнал, что её мёртвый жених, возможно, всё это время играл с ней в какую-то извращённую игру. – Эмма горько усмехнулась. – То есть прекрасно.

Николя кивнул, не улыбувшись.

– Понимаю. – Он сделал знак официанту, и через минуту перед ним появилась такая же чашка кофе. – Мне нужно рассказать вам кое-что. То, что я узнал за эту ночь.

– Плохие новости?

– Другого вида у меня, боюсь, не бывает.

Эмма отодвинула свою чашку и скрестила руки на груди.

– Говорите.

Николя огляделся – привычный жест, который, как поняла Эмма, он делал автоматически – и понизил голос.

– Нападение на квартиру. Я выяснил, кто это был.

– И?

– Русские. Люди Виктора Соколова.

Эмма вспомнила это имя – Николай упоминал его раньше. Криминальный авторитет из Екатеринбурга, глава организованной преступной группы, потерявший большие деньги из-за Дэниела.

– Я думала, они просто хотят вернуть свои деньги.

– Они хотят больше. – Николай покачал головой. – Соколов потерял сто пятьдесят миллионов долларов, когда Дэниел «исчез». Для обычного человека это целое состояние. Для него – лишь часть империи. Но дело не только в деньгах. – Он помолчал. – Дело в принципе. В репутации. Соколов не может позволить, чтобы кто-то обманул его и остался безнаказанным. Если он не вернёт деньги – или хотя бы не отомстит – его собственные люди начнут сомневаться в его силе.

– Значит, он не отступит?

– Никогда. – Голос Николая был мрачным. – Он будет преследовать вас до конца. Вашего или своего.

Эмма закрыла глаза на мгновение, пытаясь переварить услышанное. Когда она снова открыла их, её взгляд был твёрдым.

– Кто ещё?

– Что?

– Вы сказали, что за мной охотятся как минимум четыре группы. Русские – это одна. Кто остальные?

Николя достал из кармана сложенный лист бумаги и развернул его на столе. Это была схема – имена, организации, стрелки, показывающие связи.

– Китайская разведка. Министерство государственной безопасности, MSS. – Он указал на первый блок. – Они ведут операцию под командованием лейтенанта Вэнь Юй. Мы засекли его прибытие в Дубай три дня назад, сразу после новости о гибели Дэниела.

– Что им нужно?

– Дэниел родился в Китае. Его семья была связана с диссидентским движением – его родители были активистами, критиковавшими партию. Они погибли при «невьясненных обстоятельствах», когда Дэниелу было тринадцать. Официально – автокатастрофа. Неофициально... – Николя пожал плечами. – После этого Дэниел эмигрировал в США. Но перед этим, судя по всему, он работал на MSS несколько лет. Использовал свои навыки программиста для их целей.

– Дэниел работал на китайскую разведку?

– Да. А потом предал их. Перешёл на Запад, унёс с собой секреты, стал строить свою криптоимперию. Для MSS он – предатель, беглец, угроза безопасности. Они хотят вернуть его – живого для суда или мёртвого для отчётности.

Эмма смотрела на схему, и картина мира вокруг неё становилась всё мрачнее.

– А теперь, когда он... когда он «погиб», – продолжал Николя, – они переключились на вас. Вы – его наследница, его близкий человек. Возможно, вы знаете секреты, которые он им так и не выдал.

– Я ничего не знаю!

– Они не верят. – Николя вздохнул. – И даже если бы верили – вы всё ещё ключ к пяти миллиардам долларов. А для Китая это не просто деньги. Это идеологическая победа. Они смогут сказать: «Смотрите, даже самый успешный предатель в конце концов теряет всё».

Эмма потёрла виски. Голова раскалывалась.

– Третья группа?

– Банковский консорциум «Цербер». – Николя указал на следующий блок. – Альянс двенадцати крупнейших банков Европы, возглавляемый швейцарским Helvetia Prime. Их председатель – Маргарита ван дер Берг. Я встречался с ней однажды, много лет назад. Умная, беспощадная, абсолютно уверенная в том, что традиционная финансовая система – единственная, которая имеет право на существование.

– Что им от меня нужно?

– Контроль. – Николя откинулся на спинку стула. – Пять миллиардов долларов в криптовалюте – это бомба замедленного действия для мировых рынков. Если эти деньги будут внезапно выведены, конвертированы, использованы – это может вызвать цепную реакцию. Обвал курсов, панику инвесторов, кризис доверия. Банки хотят предотвратить это.

– Как?

– Идеально для них – если вы добровольно передадите активы под их управление. Они заморозят средства, «стабилизируют ситуацию», и вы получите какую-то компенсацию. Если вы откажетесь... – Николя не договорил, но его молчание было красноречивее слов.

– А четвёртая группа?

– Коллектив «Атлант». – Николя произнёс это имя с особой интонацией. – Хакеры-либертарианцы. Анархисты. Идеалисты, верящие в абсолютную свободу через технологии.

– Они были союзниками Дэниела, – медленно сказала Эмма. – Он упоминал о каком-то «Проекте Атлант» в своём послании.

– Да. Дэниел был одним из основателей этого движения. Они планировали создать независимое цифровое государство – морскую платформу в международных водах, где люди смогут жить без правительств и границ. Утопия технократов.

– И что они хотят от меня?

– Деньги. Ваши пять миллиардов – это финансирование, необходимое для завершения проекта. Без них «Атлант» останется мечтой. – Николя помолчал. – Проблема в том, что эти люди непредсказуемы. Они могут попытаться вас рекрутировать, убедить продолжить дело Дэниела. А могут решить, что проще устранить вас и получить фразу силой.

Эмма смотрела на схему – на паутину имён, организаций, стрелок. Четыре группы охотников. Десятки людей. Ресурсы государств и корпораций. И посреди всего этого – она, одинокая женщина с двумя словами из двенадцати.

– Николя, – тихо сказала она, – почему вы мне помогаете?

Он поднял на неё глаза.

– Я уже говорил...

– Вы говорили о правде. О своей жене. – Эмма покачала головой. – Но этого недостаточно. Вы рискуете жизнью, противостоите государствам и криминальным империям. Только ради правды о женщине, которая умерла пять лет назад?

Николя долго молчал. Его пальцы барабанили по столу – нервный жест, который она раньше не замечала.

– Я устал, – наконец сказал он. – Устал бежать. Устал прятаться. После смерти Мари я ушёл из Интерпола, но это не значит, что я перестал искать. – Он посмотрел ей в глаза. – Дэниел Чен – это было моё последнее дело. Моя одержимость. Я потратил годы, пытаюсь понять, кто он на самом деле. И когда он «погиб», я понял: я так и не узнаю правды. Если только...

– Если только что?

– Если только не помогу вам. – Он сложил схему и убрал в карман. – Вы – единственный человек, который может раскрыть все секреты Дэниела Чена. Его seed phrase – это не просто ключ к деньгам. Это ключ к его жизни, его прошлому, всему, что он скрывал. Помогая вам, я помогаю себе.

Эмма кивнула. Это был честный ответ – возможно, первый по-настоящему честный ответ, который она услышала за последние дни.

– Хорошо, – сказала она. – Тогда давайте планировать.

Дубай, резиденция посла Италии В это же время

Алессандро Кастельяно стоял у окна своего кабинета, глядя на безупречно ухоженный сад резиденции. Розы, завезённые из Тосканы, цвели невозможно яркими красками, несмотря на убийственную жару Дубая – система орошения и климат-контроля творила чудеса. Но сегодня он не замечал этой красоты.

Он думал о дочери.

Эмма исчезла. После визита к нотариусу, после их ссоры – она просто растворилась. Не отвечала на звонки, не появлялась дома. Его люди пытались её найти, но безуспешно. Дубай был большим городом, и дочь, очевидно, не хотела быть найденной.

Или не могла.

Эта мысль терзала его больше всего. Что, если с ней случилось что-то? Что, если те люди, о которых предупреждал тот француз на похоронах... что, если они уже добрались до неё?

Стук в дверь вырвал его из мрачных раздумий.

– Войдите.

Дверь открылась, и его секретарь – молодой итальянец с безупречными манерами – шагнул внутрь.

– Синьор посол, к вам посетитель. Он... настаивает на встрече.

– Кто это?

– Представился как... – секретарь сверился с визитной карточкой, – Вэнь Юй. Атташе по культуре посольства Китайской Народной Республики.

Алессандро нахмурился. Атташе по культуре – известное прикрытие для разведчиков. Что китайцам нужно от него?

– Пусть войдёт.

Человек, появившийся в дверях, выглядел совершенно неприметно – и именно это делало его опасным. Среднего роста, среднего телосложения, с гладким лицом, которое было трудно запомнить. Идеальный серый человек, созданный для того, чтобы сливаться с толпой.

Только глаза выдавали его – холодные, оценивающие, с той особой пристальностью, которую Алессандро видел у профессиональных убийц и шпионов.

– Синьор Кастельяно, – произнёс гость на безупречном английском. – Благодарю, что согласились принять меня.

– У меня не было выбора, судя по тому, как вы настаивали. – Алессандро не предложил гостю сесть. – Чем обязан?

Вэнь Юй улыбнулся – холодной, вежливой улыбкой, не затронувшей глаз.

– Я пришёл поговорить о вашей дочери.

Алессандро почувствовал, как его кулаки непроизвольно сжались.

– Что вы знаете о моей дочери?

– Достаточно много. – Вэнь Юй сделал несколько шагов по кабинету, разглядывая картины на стенах – пейзажи Умбрии, портрет какого-то предка в камзоле. – Например, я знаю, что она была любовницей Дэниела Чена. Предателя, укравшего секреты моей страны. Преступника, отмывавшего деньги для террористов и криминальных организаций.

– Дэниел Чен мёртв.

– Возможно. А возможно, и нет. – Вэнь Юй повернулся к нему. – Но это не имеет значения. Важно то, что ваша дочь унаследовала его состояние. Состояние, значительная часть которого принадлежит Китайской Народной Республике.

– Это ложь.

– Это факт. – Голос Вэнь Юй оставался спокойным, почти дружелюбным. – Дэниел Чен работал на нас в начале своей карьеры. Мы финансировали его первые проекты, обучали его, давали доступ к технологиям. А он предал нас и сбежал на Запад, унеся наши деньги и наши секреты.

– Даже если это правда, моя дочь не имеет к этому отношения.

– Она – наследница. – Вэнь Юй пожал плечами. – По законам большинства стран, наследник несёт ответственность за долги того, чьё наследство принял.

Алессандро заставил себя успокоиться. Он был дипломатом – он знал, как вести подобные разговоры.

– Что вы хотите?

– Мы хотим справедливости. – Вэнь Юй снова улыбнулся. – Мы хотим, чтобы ваша дочь добровольно вернула активы, которые по праву принадлежат Китаю. Скажем... два миллиарда долларов. Это скромная сумма, учитывая масштаб хищений.

– А если она откажется?

– Тогда... – Вэнь Юй сделал паузу, словно обдумывая слова, – ...нам придётся прибегнуть к другим методам. Юридическим. Дипломатическим. – Пауза. – И не только.

Угроза была недвусмысленной. Алессандро почувствовал, как гнев поднимается в груди.

– Вы угрожаете моей дочери на территории Объединённых Арабских Эмиратов, в присутствии посла дружественного государства?

– Я никому не угрожаю, синьор Кастьяно. – Вэнь Юй поднял руки в примирительном жесте. – Я лишь объясняю ситуацию. Ваша дочь – взрослая женщина. Она сама решает, как поступить. Но я хотел бы, чтобы вы... донесли до неё серьёзность положения.

– И как я это сделаю, если не знаю, где она?

Впервые что-то мелькнуло в глазах Вэнь Юй – удивление? раздражение?

– Вы не знаете, где ваша дочь?

– Нет. После похорон Чена она... исчезла. Не отвечает на звонки.

Вэнь Юй смотрел на него долго, оценивающе. Потом кивнул.

– Понимаю. Это... осложняет ситуацию. – Он направился к двери. – Я оставлю вам свою карточку, синьор Кастьяно. Если ваша дочь свяжется с вами – пожалуйста, передайте ей моё предложение. Оно не будет действовать вечно.

У двери он остановился и обернулся.

– И ещё одно. – Его голос стал мягче, почти доверительным. – Я знаю о вашем прошлом, синьор Кастьяно. О том инциденте тридцать лет назад в Милане. О деньгах, которые... не совсем законно сменили владельцев.

Алессандро побледнел.

– Это было давно. Дело закрыто.

– Дела никогда не закрываются, – сказал Вэнь Юй. – Они просто ждут своего часа. – Он открыл дверь. – Доброго дня, синьор посол. Надеюсь, мы скоро услышим хорошие новости.

Дверь закрылась за ним, и Алессандро остался один в кабинете. Его руки дрожали, когда он опустился в кресло.

Тридцать лет назад. Он думал, что это похоронено навсегда. Молодой дипломат, первое серьёзное назначение, и ошибка – глупая, жадная ошибка, которая могла стоить ему карьеры. Он замаял дело, заплатил кому нужно, и с тех пор жил с этим камнем на душе.

А теперь китайцы знали. И использовали это против него.

Против его дочери.

Алессандро потянулся к телефону. Он должен был найти Эмму. Должен был предупредить её.

Даже если она его ненавидит.

Дубай, порт Джебель-Али Складское помещение

Человек висел на цепях, подвешенных к потолку. Его руки были вывернуты под неестественным углом, а лицо превратилось в кровавую маску – нос сломан, губы рассечены, один глаз заплыл.

Виктор Соколов стоял перед ним, вытирая руки белым полотенцем. Полотенце медленно окрашивалось красным.

– Я повторю вопрос, Гриша, – сказал он почти ласково. – Как она ушла?

Человек на цепях – Григорий Петров, один из четырёх боевиков, отправленных на захват Эммы Кастьяно – закашлялся кровью.

– Я... я не знаю, босс. Мы всё сделали правильно. Вырубили охрану, отключили сигнализацию, вошли тихо. А она... – он судорожно вздохнул, – она как будто ждала нас.

– Ждала?

– Она выстрелила первой. Макс получил пулю в грудь – хорошо, бронежилет был. Пока мы его поднимали, она уже была на балконе. – Ещё один кашель. – Она... она двигалась как профессионал, босс. Не как цивилизная.

Соколов отбросил полотенце и сделал несколько шагов по складу. Его громадная фигура отбрасывала длинную тень в свете единственной лампы.

– Профессионал, значит, – задумчиво произнёс он. – Дочка дипломата, никогда не державшая в руках оружия, двигается как профессионал и уходит от четырёх моих лучших людей.

– Может, её кто-то тренировал? Этот её... Чен?

– Чен был компьютерным червём. – Соколов покачал головой. – Он не умел держать оружие.

– Тогда кто?

– Хороший вопрос, Гриша. – Соколов повернулся к нему. – Очень хороший вопрос.

Он щёлкнул пальцами, и из тени вышли двое – мрачные мужчины в чёрном, с лицами, не выражающими никаких эмоций.

– Снимите его, – приказал Соколов. – И дайте воды. Он ещё нужен.

Пока люди возились с цепями, Соколов отошёл к столу, заваленному бумагами и фотографиями. Здесь было досье на Эмму Кастельяно – всё, что его люди смогли собрать за последние дни. Фотографии: на приёмах, на улице, с Дэниелом Ченом на какой-то яхте. Документы: выписки из университетов, послужной список отца, финансовые отчёты.

И ничего – ничего, что объясняло бы, как эта женщина стала такой опасной за такое короткое время.

– Босс? – Один из людей подошёл к нему. – Что делать дальше?

Соколов поднял одну из фотографий – Эмма в вечернем платье, улыбающаяся в камеру. Красивая. Молодая. Невинная.

Или не такая уж невинная.

– Она где-то прячется, – сказал он. – У неё есть друзья, которые помогают. – Он положил фотографию обратно. – Найдите их. Всех, с кем она общалась за последние месяцы. Подруги, коллеги, бывшие любовники. Кто-то знает, где она.

– А если они не захотят говорить?

Соколов усмехнулся – холодно, без намёка на веселье.

– Все хотят говорить, Паша. Нужно просто правильно спросить.

Он направился к выходу, но у двери остановился и обернулся. Григорий Петров сидел на полу, прислонившись к стене, и жадно пил воду из бутылки.

– Гриша.

Человек поднял голову.

– Да, босс?

– Ты провалил задание. Потерял цель. Позволил ей уйти.

– Босс, я...

– Я понимаю, – перебил Соколов. – Она оказалась хитрее, чем мы думали. Это... объяснимо. – Он помолчал. – Но ты также потерял что-то, что принадлежало ей. Маленькое устройство в её спальне. Мои люди нашли его – оно должно было быть у неё, а не на тумбочке.

Григорий побледнел.

– Я не знал, что это важно...

– Всё важно, Гриша. Каждая деталь. Каждая мелочь. – Соколов сделал шаг к нему. – Это устройство – ключ к деньгам. К моим деньгам. И теперь оно... – он достал из кармана маленький металлический прямоугольник, – ...бесполезно. Потому что без пароля и каких-то волшебных слов оно просто кусок железа.

– Я... я найду её, босс. Клянусь, я...

– Нет, Гриша. – Соколов покачал головой. – Ты не найдёшь. – Он кивнул своим людям. – Но перед тем, как уйти, ты расскажешь нам всё, что знаешь. Каждую деталь о той ночи. Каждое слово, которое она сказала. Каждое движение, которое сделала.

Он повернулся к выходу.

– А потом Паша отвезёт тебя домой. К семье.

– Спасибо, босс... – начал Григорий, но осёкся, увидев выражение лица одного из людей Соколова.

– Не благодари, – донёлся голос босса уже из-за двери. – Ты заслужил.

Дверь закрылась. Григорий Петров остался наедине с двумя молчаливыми мужчинами и медленно подступающим осознанием того, что домой он не вернётся.

Никогда.

Дубай, кафе «Аль-Фараби» Продолжение разговора

– Нам нужно уехать из Дубая, – говорила Эмма, и её голос становился всё увереннее. – Сегодня. Сейчас. Пока они не перегруппировались.

Николя кивнул.

– Согласен. Но куда?

– Швейцария. Следующий ключ там. – Она достала телефон и открыла карту. – Дэниел говорил о нашей поездке в горы. О месте, где «время движется иначе». Это должен быть Церматт – мы были там прошлой зимой. Маленькая деревня у подножия Маттерхорна.

– Церматт – хороший выбор. Труднодоступно, мало посторонних, легко заметить слежку. – Николя потёр подбородок. – Но как мы туда доберёмся? Обычные рейсы отпадают – вас засекут на паспортном контроле в первые же минуты.

– Жасмин, – сказала Эмма. – У её семьи есть частный самолёт. Она уже помогла мне с пустыней...

– Нет. – Николя покачал головой. – Мы не можем снова подвергать её риску. Кроме того, частный рейс из Дубая тоже отслеживается – не так строго, как коммерческий, но всё же.

– Тогда что вы предлагаете?

Николя задумался. Его пальцы снова барабанили по столу – этот нервный жест, который Эмма уже научилась распознавать как признак интенсивной работы мозга.

– У меня есть контакт, – наконец сказал он. – Человек, который организует... неофициальные перемещения.

– Контрабандист?

– Логист. – Николя усмехнулся. – Он предпочитает это слово. Бывший агент МІБ, ушедший на вольные хлеба после какого-то скандала. Теперь помогает людям исчезать – за хорошие деньги.

– Сколько?

– Для нас – бесплатно. Он должен мне услугу. – Николя достал телефон. – Дайте мне час. Я всё организую.

Пока он отходил, чтобы позвонить, Эмма осталась одна за столиком. Она смотрела на снующих мимо людей – торговцев, носильщиков, женщин в традиционных одеждах – и думала о том, как изменилась её жизнь за несколько дней.

Неделю назад она была обычной женщиной. Влюблённой, счастливой, планирующей будущее с человеком, которого считала знала. Теперь она была беглянкой, преследуемой половиной мира, с пистолетом в сумке и двумя словами из двенадцати в голове.

Whisper. Freedom.

Шёпот. Свобода.

Что ещё оставил ей Дэниел? Какие слова спрятал в местах, которые «что-то значили»? И что она найдёт в конце этого пути – правду или ещё больше лжи?

– Эмма?

Она подняла глаза. Николя вернулся, и выражение его лица было напряжённым.

– Что-то не так?

– Мой контакт согласился помочь. Он заберёт нас сегодня вечером из порта Джебель-Али – грузовое судно, идущее в Стамбул. Оттуда – частный перелёт в Швейцарию.

– Но?

– Но есть проблема. – Николя сел напротив неё. – Мне только что позвонил мой информатор в полиции Дубая. Сегодня утром в порту нашли тело. Русский гражданин, убит несколько часов назад. Методы... характерные для Соколова.

Эмма почувствовала, как холод пробежал по спине.

– Кто это был?

– Один из людей, нападавших на вашу квартиру. – Николя помолчал. – Соколов не прощает неудач. Он казнил своего человека за провал операции.

– Это... – Эмма не могла найти слов. – Это чудовищно.

– Это мир, в который вы попали. – Голос Николя был мрачным. – Мир, где люди – расходный материал. Где верность покупается, а предательство карается смертью. Дэниел жил в этом мире. Играл по его правилам. И теперь вы тоже в нём – хотите вы того или нет.

Эмма закрыла глаза. Образ повешенного человека – она не знала, как именно его убили, но воображение услужливо рисовало картины – стоял перед глазами.

– Как мне выжить в этом мире, Николя?

– Научиться его правилам. – Он наклонился к ней. – Не доверять никому полностью. Всегда иметь запасной план. Быть готовой на всё – даже на то, что раньше казалось невыносимым.

– Я уже выстрелила в человека.

– Это было начало. – Николя смотрел ей в глаза. – Вопрос в том, готовы ли вы идти дальше.

Эмма молчала. В её голове крутились воспоминания – дипломатические приёмы, университетские лекции, вечера с Дэниелом на крыше Бурдж-Халифа. Другая жизнь. Другой мир.

– Я не хочу становиться такой, как они, – тихо сказала она. – Не хочу превращаться в монстра.

– Тогда держитесь за то, что делает вас человеком. – Николя положил руку на её ладонь. – За свои принципы. За людей, которых любите. За цель, ради которой всё это делаете.

– Какую цель?

– Это вам решать. – Он убрал руку. – Деньги? Месть? Справедливость? Правда о Дэниеле? – Он пожал плечами. – Найдите свою цель, Эмма. Она будет вашим компасом в этом хаосе.

Эмма открыла глаза и посмотрела на него.

– Правда, – сказала она. – Я хочу знать правду. О Дэниеле. О том, кем он был на самом деле. О том, почему он сделал всё это.

– Тогда держитесь за это. – Николя встал. – А теперь нам пора. Нужно собраться и добраться до порта до заката.

Дубай, загородный дом семьи Аль-Файед Несколько часов спустя

Эмма собирала вещи – те немногие, что у неё были. Одежда, которую оставила Жасмин. Деньги – пачка дирхамов и немного долларов. Пистолет, который она спрятала после побега и который теперь снова лежал в сумке, тяжёлый и угрожающий.

И телефон с двумя записанными словами: *Whisper. Freedom.*

Николя объяснил ей, как работает *seed phrase*. Двенадцать слов, выбранных из специального словаря в две тысячи сорок восемь слов. Каждое слово кодирует одиннадцать бит информации. Вместе они создают ключ, из которого математически выводятся все приватные ключи всех кошельков.

– Это называется иерархически-детерминированный кошелёк, – говорил он, рисуя схему на салфетке. – Одна фраза – бесконечное количество адресов. Дэниел был параноиком, он,

вероятно, использовал сотни кошельков, разбросанных по разным блокчейнам. Но все они восстанавливаются из одной фразы.

– А если кто-то узнает несколько слов? – спросила Эмма. – Как те, кто напал на меня. Они могли видеть что-то в квартире.

– Бесполезно. – Николая покачал головой. – Без полной фразы в правильном порядке – ничего не получится. Даже одиннадцать слов из двенадцати – это всё равно что не иметь ничего. Комбинаций слишком много, взлом займёт тысячи лет даже на самых мощных компьютерах.

– Значит, пока я единственная, кто знает первые два слова...

– Вы – единственный ключ. – Николая кивнул. – Поэтому они не могут вас убить. Им нужна фраза, а она существует только в вашей голове. Мёртвая, вы бесполезны.

– Но они могут пытаться меня.

– Могут. – Его голос был жёстким. – Поэтому мы не должны попадаться.

Эмма посмотрела на своё отражение в зеркале. Женщина, которая смотрела на неё оттуда, была незнакомой – осунувшееся лицо, тёмные круги под глазами, жёсткая линия губ. Она постарела на десять лет за несколько дней.

«Это цена, – подумала она. – Цена правды. Цена свободы».

Её телефон завибрировал. Номер был незнакомым, но что-то заставило её ответить.

– Алло?

– Эмма. – Голос отца – уставший, постаревший, совсем не такой властный, как обычно. – Слава богу, ты жива.

– Папа? – Она не ожидала этого звонка. – Откуда у тебя этот номер?

– Не важно. – Он помолчал. – Эмма, мне нужно тебя увидеть. Срочно.

– Я не могу. Я...

– Я знаю, что ты в бегах. Знаю, что за тобой охотятся. – Его голос дрогнул. – Ко мне приходили, Эмма. Китайцы. Они угрожали. Они знают... – он запнулся, – ...они знают вещи обо мне, которые могут уничтожить нашу семью.

Эмма села на кровать. Её ноги вдруг ослабели.

– Что ты имеешь в виду?

– Не по телефону. – Отец говорил быстро, торопливо – совсем не в своей обычной манере. – Пожалуйста, Эмма. Встреться со мной. Позволь мне всё объяснить. Позволь мне помочь.

Она молчала, и в этом молчании слышала всё: годы отчуждения, непонимания, невысказанных слов. Отец никогда не просил. Он требовал, приказывал, настаивал. Но сейчас он просил.

– Я не могу, папа, – наконец сказала она. – Не сейчас. Мне нужно уехать из города.

– Куда?

– Не могу сказать.

– Эмма, пожалуйста...

– Нет. – Её голос стал твёрже. – Я позвоню тебе, когда смогу. Но сейчас – нет.

Она услышала, как он вздохнул – тяжело, надломленно.

– Будь осторожна, дочь. – Его голос был едва слышен. – Что бы ты обо мне ни думала... я люблю тебя. Всегда любил.

Он повесил трубку, не дождавшись ответа.

Эмма сидела, глядя на телефон в руке. Отец сказал «люблю». Впервые за... она не могла вспомнить, когда слышала это от него в последний раз. Может быть, никогда.

«Китайцы знают вещи обо мне...»

Какие вещи? Какие секреты скрывал её отец – безупречный дипломат, образец респектабельности?

Ещё одна тайна в мире, полном тайн.

Порт Джебель-Али, Дубай Вечер того же дня

Солнце садилось над заливом, окрашивая воду в оттенки красного и золотого. Портовые краны возвышались над горизонтом, как скелеты доисторических животных. Контейнеровозы выстроились у причалов, готовые принять или отдать свой груз.

Эмма и Николая пробирались между штабелями контейнеров, следуя за человеком, которого Николая представил как «Джека» – хотя было очевидно, что это не настоящее имя. Джек был невысоким, жилистым, с лицом, загорелым до цвета старого кирпича, и глазами, которые, казалось, видели всё и ничему не удивлялись.

– Судно называется «Звезда Одессы», – говорил он, ведя их по лабиринту грузов. – Украинский экипаж, капитан – мой старый друг. Официально идут в Стамбул с грузом автозапчастей. Неофициально... – он усмехнулся, – ...берут пассажиров, которые не хотят оставлять следов.

– Сколько времени займёт путь? – спросила Эмма.

– Три дня до Стамбула. – Джек оглянулся на неё. – Каюта не пятизвёздочная, но чистая. Еда – что даст кок, но голодать не будете.

– А из Стамбула?

– Я организовал частный рейс до Женевы. Самолёт принадлежит одной... скажем так, либеральной компании, которая не задаёт лишних вопросов. – Он остановился у трапа, ведущего на борт ржавого грузового судна. – Дальше – ваши проблемы.

– Спасибо, Джек. – Николая пожал ему руку. – Я в долгу.

– Были в долгу. – Джек усмехнулся. – Теперь квиты. – Он повернулся к Эмме. – Удачи, мисс. Что бы вы ни натворили – надеюсь, это того стоило.

Он исчез между контейнерами так же бесшумно, как появился.

Эмма стояла у трапа, глядя на громаду судна. «Звезда Одессы» была старой, потрёпанной временем и морями, с облупившейся краской и пятнами ржавчины на бортах. Но в эту минуту она казалась Эмме прекраснейшим кораблём в мире.

– Готовы? – спросил Николая.

Эмма оглянулась назад – на огни Дубая, мерцающие вдалеке. Город, где она влюбилась. Город, где потеряла любовь. Город, который больше никогда не будет для неё прежним.

– Готова, – сказала она и ступила на трап.

Судно отчалило через два часа, когда тьма полностью поглотила залив. Эмма стояла на корме, глядя, как огни Дубая уменьшаются и растворяются в черноте ночи. Позади оставалось всё – её прежняя жизнь, её безопасность, её иллюзии.

Впереди лежал океан – и путь к правде, которая могла изменить всё.

Два слова. *Whisper. Freedom.*

Десять оставалось найти.

И где-то там, в конце этого путешествия, её ждал ответ на вопрос, который мучил её с той первой ночи:

Кем на самом деле был Дэниел Чен?



Глава 5. Побег на Запад

Персидский залив, грузовое судно «Звезда Одессы» Второй день пути

Море было спокойным – слишком спокойным для её мятежной души. Эмма стояла на палубе, облокотившись на ржавые перила, и смотрела, как солнце поднимается над бесконечной синей гладью. Горизонт был пуст – ни земли, ни других кораблей, только вода и небо, сливающиеся где-то вдали в одну неразличимую линию.

Она не спала уже вторую ночь подряд. Каждый раз, когда закрывала глаза, видела одно и то же: лицо человека в дверях её спальни, поднятый автомат, собственный палец на курке. Звук выстрела. Отдача в запястье. И бесконечное бегство по тёмным коридорам кошмара.

Каюта, которую им выделили, была крошечной – две узкие койки, привинченный к полу столик, иллюминатор размером с тарелку. Никола спал на нижней койке, и его храп – негромкий, но постоянный – был ещё одной причиной, по которой Эмма предпочитала проводить ночи на палубе.

Но главной причиной была папка.

Николя передал её вчера вечером – толстую, потрёпанную, с грифом «КОНФИДЕНЦИАЛЬНО» на обложке. Внутри были документы, фотографии, распечатки электронных писем – всё, что он собрал за три года охоты на Дэниела Чена.

– Вы уверены, что хотите это видеть? – спросил он тогда, протягивая ей папку.

– Нет, – честно ответила Эмма. – Но я должна.

Теперь она сидела на свёрнутом канате, прислонившись спиной к надстройке, и читала. Страница за страницей. Документ за документом. И с каждым новым листом образ Дэниела – того Дэниела, которого она любила – трещал и рассыпался, как старая фреска под ударами времени.

ДОСЬЕ: ДЭНИЕЛ ЛИВЭНЬ ЧЕН

Дата рождения: 15 марта 1990 года Место рождения: Шанхай, КНР Гражданство: США (натурализация 2008)

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ:

Родился в семье Чен Вэйминя и Линь Сяомэй, известных диссидентов и активистов движения за демократизацию Китая. Отец – профессор экономики Фуданьского университета, мать – журналистка. Оба погибли в автокатастрофе в 2003 году при невыясненных обстоятельствах. По неподтверждённым данным, катастрофа была организована Министерством государственной безопасности КНР.

После гибели родителей находился под опекой государства. В период 2003-2005 проходил обучение в специализированном учреждении MSS (предположительно – подготовка кадров для киберопераций). В 2005 году эмигрировал в США по программе политического убежища.

Образование: MIT, степень бакалавра по компьютерным наукам (2009), магистра по экономике (2011). Диссертация посвящена криптографическим протоколам в децентрализованных системах.

ФИНАНСОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:

2011 – Первые инвестиции в Bitcoin (предположительный объём: 50,000 BTC при цене \$0.30-1.00) 2013 – Основание криптобиржи «SilkBridge» (Гонконг) 2015 – Запуск платформы децентрализованных финансов «ChainVault» 2017 – Создание инвестиционного фонда «Prometheus Capital» 2019 – Участие в проекте «Атлант» (см. отдельное досье)

ПОДОЗРЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:

– Отмывание денег через криптовалютные биржи (объём: оценочно \$2-5 млрд) – Содействие уклонению от санкций (Иран, КНДР, Россия) – Финансирование хакерских групп – Возможная причастность к исчезновению нескольких лиц (см. приложение)

Эмма перевернула страницу, и её взгляд упал на фотографию. Молодой человек – может быть, лет двадцати пяти – с интеллигентным лицом и очками в тонкой оправе. Подпись под фото гласила: «Маркус Вебер, журналист-расследователь, издание «Der Spiegel».

Она начала читать прилегающий документ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7: ДЕЛО МАРКУСА ВЕБЕРА

Маркус Вебер (1985-2019) – немецкий журналист, специализировавшийся на расследованиях финансовых преступлений. В 2018-2019 годах работал над серией статей о связях криптовалютных бирж с китайскими спецслужбами.

По данным источников в редакции «Der Spiegel», Вебер собирал материалы о Дэниеле Чене и его предполагаемом сотрудничестве с MSS в период 2003-2005 годов. За месяц до исчезновения Вебер сообщил коллегам, что получил «неопровержимые доказательства» двойной игры Чена.

12 февраля 2019 года Вебер вылетел из Мюнхена в Гонконг для встречи с неназванным информатором. На рейс в обратном направлении не зарегистрировался. Последний сигнал его мобильного телефона зафиксирован в районе Коулун, Гонконг, 14 февраля 2019 года.

Официальный статус: пропал без вести. Расследование: приостановлено (недостаточно доказательств).

СВЯЗЬ С ДЭНИЕЛЕМ ЧЕНОМ:

– За две недели до исчезновения Вебер отправил Чену электронное письмо с запросом интервью (текст письма в приложении 7а). – Чен не ответил на запрос. – По данным камер наблюдения, Вебер входил в здание штаб-квартиры «SilkBridge» в Гонконге 13 февраля 2019 года. Записи о его выходе отсутствуют. – Чен отрицает какие-либо контакты с Вебером.

ОЦЕНКА:

Прямых доказательств причастности Чена к исчезновению Вебера нет. Однако совокупность косвенных улик указывает на возможное участие. Рекомендовано продолжить наблюдение.

Эмма отложила папку. Её руки дрожали.

Маркус Вебер. Журналист. Тридцать четыре года. Вошёл в здание Дэниела и никогда не вышел.

Она вспомнила то здание – стеклянную башню в деловом районе Гонконга. Дэниел возил её туда однажды, показывал свой офис на верхнем этаже, хвастался видом на гавань. Она восхищалась его успехом, его империей, его мечтами.

А где-то в этом здании – или рядом с ним – исчез человек. Молодой журналист, который просто хотел узнать правду.

Как и она сейчас.

– Не спится?

Голос Николая заставил её вздрогнуть. Она не слышала, как он подошёл – годы полевой работы научили его двигаться бесшумно.

– Читайте ваше досье. – Эмма подняла на него глаза. – Маркус Вебер.

Николя помрачнел. Он сел рядом с ней на канат, и некоторое время они молчали, глядя на море.

– Я знал Маркуса, – наконец сказал он. – Не лично, но по переписке. Он связался со мной, когда начал расследование. Спрашивал о Чене, о моих материалах.

– И что вы ему сказали?

– Правду. – Николя пожал плечами. – Всё, что знал на тот момент. Предупредил, что это опасно. Что люди, связанные с Ченом, не любят вопросов.

– Он не послушал?

– Он был журналистом. – В голосе Николя звучало что-то похожее на горечь. – Настоящим журналистом, из тех, что ещё верят в силу слова и важность истины. Он думал, что публикация защитит его. Что они не посмеют тронуть человека, за которым стоит крупное издание.

– Но они посмели.

– Они посмели.

Эмма снова посмотрела на фотографию в досье. Маркус Вебер улыбался в камеру – открытой, искренней улыбкой человека, который ещё не знает, что его ждёт.

– Дэниел сделал это? – спросила она тихо. – Он... убил его?

Николя долго не отвечал.

– Я не знаю, – наконец сказал он. – Честно – не знаю. Прямых доказательств нет. Но... – он вздохнул, – ... Чен был связан с людьми, которые способны на такое. Китайская разведка. Криминальные группы. Хакеры без принципов. Даже если он сам не отдавал приказ – он мог знать. Мог закрыть глаза. Мог позволить этому случиться.

– Это не Дэниел, – сказала Эмма, но её голос звучал неуверенно даже для неё самой. – Человек, которого я знала, не мог...

– Человек, которого вы знали, был маской, Эмма. – Николя повернулся к ней. – Красивой, убедительной маской, созданной для того, чтобы вы – и весь мир – видели то, что он хотел показать. Но под маской... – он покачал головой, – ...под маской мог быть кто угодно.

Эмма закрыла глаза. Образы прошлого проносились перед ней – вечера с Дэниелом, разговоры до рассвета, его смех, его прикосновения. Всё это было ложью? Всё – от первой встречи до последнего прощания?

– Я не верю, – прошептала она. – Не могу поверить, что всё было ложью. То, что я чувствовала... то, что он чувствовал...

– Возможно, не всё, – мягко сказал Николя. – Люди сложнее, чем мы хотим думать. Дэниел мог любить вас – и при этом быть причастным к ужасным вещам. Одно не исключает другого.

– Но как жить с этим? Как... как продолжать искать правду, зная, что она может быть такой?

Николя положил руку ей на плечо – простой жест поддержки, который значил больше, чем любые слова.

– Правда не бывает удобной, Эмма. Она просто есть. И только узнав её, мы можем решить, что делать дальше.

Стамбул, частный аэродром на окраине города Третий день

«Звезда Одессы» пришвартовалась в стамбульском порту на рассвете третьего дня. Эмма стояла на палубе, глядя на раскинувшийся перед ней город – древний и современный одновременно, с минаретами, пронзающими небо, и небоскрёбами, теснящимися на берегу Босфора.

Стамбул. Перекрёсток миров. Место, где Восток встречался с Западом тысячи лет.

Контакт Николая – человек по имени Мехмет – встретил их у причала. Низкорослый, усатый, с хитрыми глазами и золотым зубом, сверкавшим при каждой улыбке. Он провёл их через лабиринт портовых складов к неприметному фургону с логотипом какой-то транспортной компании.

– Самолёт ждёт, – сказал он, маневрируя по забитым улицам. – Маленький, но надёжный. Долетите до Женевы за четыре часа, если погода не подведёт.

– А она подведёт? – спросил Николай.

Мехмет пожал плечами с философским фатализмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.